

Кристофер

Мур

Грязная
работа

18+

Хвойная Бухта

Кристофер Мур

Грязная работа

«Фантом Пресс»

2006

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Мур К.

Грязная работа / К. Мур — «Фантом Пресс», 2006 — (Хвойная Бухта)

ISBN 978-5-86471-854-4

Чарли Ашер – самый обычный парень. Чуток несчастный, слегка невротичный, малость ипохондрик. Он типичный бета-самец – нерешительный, осторожный и склонный к размышлениям, а не к действиям. Чарли даже в кошмарном сне не могло привидеться, что он станет подручным Смерти. Но именно эта беда с ним и стряслась. И его доселе тихая и уютная жизнь обычного сан-францисского обормота превращается в сущий ад: люди вокруг падают замертво, а в блокноте на тумбочке сами собой появляются имена тех, кому скоро предстоит отправиться на тот свет. Похоже, что Чарли принят на новую службу, неприятную и чертовски опасную. Но кто-то же должен выполнять грязную работу и нести людям смерть... “Грязная работа” – феерически смешная и преступно неполиткорректная книга, абсолютно и категорически противопоказанная детям, беременным и особо нервическим гражданам. Остальным от души рекомендуется – как лучшее средство от болотной тоски наших будней. Книга содержит нецензурную лексику.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-854-4

© Мур К., 2006
© Фантом Пресс, 2006

Содержание

Часть первая. Дела прискорбные	6
1. Коль я за Смертью не зашел, Она пришла за мной...	6
2. Тонкая грань	10
3. Под автобусом номер сорок один	15
4. Бета-самец в естественной среде обитания	21
5. Тьма нагличает	27
6. Герои с переменной скоростью	35
7. Танатост	42
8. Трамвай “Смятение”	46
9. Дракон, медведь и рыба	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Кристофер Мур

Грязная работа

Christopher Moore
A Dirty Job

© 2006 by Christopher Moore
© Максим Немцов, перевод, 2008, 2020
© Андрей Бондаренко, оформление, 2020
© “Фантом Пресс”, издание, 2020

* * *

*Эта книга посвящается Патрише Мосс, которая в своей смерти
была так же щедрой, как и в жизни, и работникам и волонтерам хосписов
всего мира*

Часть первая. Дела прискорбные

*Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омойся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!*

“Эпос о Гильгамеше”¹

1. Коль я за Смертью не зашел, Она пришла за мной...

Чарли Ашер ходил по земле, как муравей по воде: малейший неверный шаг – и его засосет в глубины. Благословенный воображением бета-самца, в жизни он по большей части вглядывался в будущее, дабы успеть засесть, каким манером мир сговаривается его прикончить. Его самого; Рейчел; а теперь и новорожденную Софи. Но, невзирая на всю внимательность, паранойю, беспрестанную суету с того дня, когда Рейчел выписала на тесте беременности синюю полоску, и заканчивая тем днем, когда Рейчел вкатили в послеродовую палату Больницы имени Св. Франциска, – Смерть все-таки вкралась.²

– Она не дышит, – сказал Чарли.

– Отлично она дышит, – ответила Рейчел, поглаживая кроху по спинке. – Хочешь подержать?

В тот день Чарли уже подержал младенца Софи несколько секунд – и поспешно вручил медсестре, заявив, что пальчики на руках и ногах должен считать более квалифицированный специалист. Сам он пересчитал дважды и оба раза дошел до двадцати одного.

– Все делают вид, будто ничего особенного не про-исходит. Мол, все будет прекрасно, если у ребенка минимум десять пальцев на руках и десять на ногах. А вдруг лишние? А? Неучтенка с пальчиками? Что, если у ребенка хвост?

(Чарли был уверен, что в шесть месяцев опознал хвост на сонограмме. Пуговина, шас! Распечатку он сохранил.)

– У нее нет хвоста, мистер Ашер, – терпеливо сказала сестра. – И пальцев десять и десять, мы всё проверили. Может, вам пойти домой отдохнуть?

– Я все равно ее люблю, даже с лишним пальчиком на руке.

– Она вся – нормальная.

---

¹ “Эпос о Гильгамеше” (поэма “О всё выдавшем”) – шумерский эпос конца III – начала II тыс. до н. э. – Таблица 10. Пер. И. Дьяконова.

² Парафраз 712-го стихотворения (1863, опубл. 1890) американской поэтессы Эмили Дикинсон (1830–1886), пер. Б. Лейви.

– Или ноге.

– Мистер Ашер, мы правда знаем, что делаем. У вас красивая здоровая девочка.

– Или с хвостиком.

Медсестра вздохнула. Она была приземиста, широка в кости, и на правой икре у нее сквозь медсестринский чулок виднелась татуированная змея. По четыре часа каждый рабочий день медсестра массировала недоношенных, продев руки в отверстия люцитового инкубатора, как будто в нем помещалась радиоактивная искра. Медсестра с ними разговаривала, ласково их увещевала, рассказывала, какие они особенные, и чувствовала, как внутри у них трепещут сердечки не больше свернутой в комок пары спортивных носков. И плакала над каждым, и верила, что слезами своими и касаньем переливает в их тельца капли своей жизни, – что вполне ее устраивало. Ей не жалко. Неонатальной медсестрой она работала уже двадцать лет и ни разу не повысила голос на свежего папашу.

– Черт бы вас подрал, нет у нее никакого хвостика, обалдуй! Ну сами посмотрите! – Медсестра отвернула одеяльце и нацелила попку младенца Софи на Чарли так, словно собиралась дать залп какашками оружейного класса такой мощи, что простодушному бета-самцу и не снилась.

Чарли отпрыгнул – вот вам поджарый и проворный тридцатник в чистом виде, – а затем, сообразив, что младенец не заряжен, огладил лацканы твидового пиджака жестом праведного негодования.

– Может, вы удалили его в родильном отделении, и мы так и не узнаем. – Сам-то наверняка он не знал. Из палаты его выдворяли сначала акушер-гинеколог, а под конец – сама Рейчел.

– Он или я, – произнесла она. – Кто-то из нас тут лишний.

В палате Чарли сказал Рейчел:

– Если ей удалили хвост, я хочу его забрать. Вдруг понадобится, когда она повзрослеет.

– Софи, твой папа вообще-то не спятил. Он просто пару дней не спал.

– Она смотрит на меня, – сказал Чарли. – Она смотрит на меня так, будто я на скачках спустил все деньги на колледж и перед тем, как пойти на физфак, ей придется идти на панель.

Рейчел взяла его за руку.

– Милый, я думаю, глаза у них так рано еще не фокусируются, а кроме того, ей рановато переживать, надо ли ей по пути на филфак заходить на панель.

– Физфак, – поправил Чарли. – В наши дни они взрослеют рано. К тому времени, как я разыщу ипподром, она может и вырасти. Господи, твои родители меня возненавидят.

– И что изменится?

– Другие поводы. Теперь я сделал их внучку шиксой.

– Она не шикса, Чарли. Мы это уже проходили. Она моя дочь, а потому – тоже еврей.

Чарли опустил на одно колено у кровати и двумя пальцами взял Софи за крохотную ручку.

– Прости папу, что сделал тебя шиксой. – Он поник головой, спрятав лицо в лоштинке, где младенец смыкался с материнским боком. Рейчел провела ногтем по узкому лбу Чарли, очертив вдоль волос резкий разворот.

– Тебе надо поехать домой и выспаться.

Чарли пробормотал что-то в простыни. А когда поднял голову, в глазах его стояли слезы.

– Она теплая на ощупь.

– Она и есть теплая. Ей так положено. Она млекопитающая. Грудное вскармливание. Ты чего плачешь?

– Какие вы прекрасные, ребята. – Он разложил темные волосы Рейчел на подушке, одним длинным локоном обвил головку Софи и стал укладывать его в детский паричок. – И если

волосы у нее не вырастут, это ни-чего. Была же такая сердитая лысая певица где-то в Ирландии – и ничего, симпатичная³. Если у нас будет хвостик, можно с него пересадить.

– Чарли! Иди домой!

– Твои родители скажут, что я во всем виноват. Что их лысая внучка шикса, на панели зарабатывает себе на физфак – и все из-за меня.

Рейчел схватила звонок с одеяла и воздела так, будто он подсоединен к бомбе.

– Чарли, если ты сейчас же не поедешь домой и не ляжешь спать, клянусь – я вызову сестру, и тебя отсюда вышвырнут.

Говорила она строго, но при этом улыбалась. Чарли нравилось смотреть, как она улыбается, – он всегда это любил: одновременно походило на одобрение и дозволение. Дозволение быть Чарли Ашером.

– Ладно, поеду. – Он пощупал ей лоб. – У тебя жар? Ты не устала, нет?

– Я только что родила, бабуин!

– Я просто беспокоюсь за тебя. – Он не был бабуином. Она упрекает его за хвостик Софи, потому и назвала бабуином, а не обалдуем, как все остальные.

– Миленький, езжай. Ну? А я немножко отдохну.

Чарли взбил подушки, проверил кувшин с водой, подоткнул одеяло, поцеловал Рейчел в лоб, поцеловал младенца в голову, взбил младенца, после чего стал поправлять цветы, присланные его матерью: лилию-звездочет вперед, подчеркнуть веточками бабьего ума...

– Чарли!

– Иду, иду. Господи. – В последний раз окинув палату взглядом, он попятился к двери. – Тебе привезти чего-нибудь из дому?

– Ничего не надо. По-моему, ты собрал весь комплект. Вообще-то, я думаю, огнетушитель мне уже не пригодится.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть...

– Иди! Я отдохну, доктор проверит Софи, а утром мы увезем ее домой.

– Что-то быстро.

– Так принято.

– Нужен еще пропан для походной печки?

– Попробуем сэкономить.

– Но...

Рейчел замахнулась звонком так, будто последствия будут суровы, если ее требованиям не пойдут на-встречу.

– Я тебя люблю, – сказала она.

– Я тоже тебя люблю, – ответил Чарли. – Вас обеих.

– Пока, папочка. – Кукловод Рейчел помахала ему ручонкой Софи.

К горлу Чарли подкатил комок. Никто раньше не звал его “папочкой” – даже куклы. (Он, правда, однажды за сексом осведомился у Рейчел: “Кто твой папочка?” – на что она ответила: “Сол Голдстин”, отчего на неделю Чарли стал импотентом и у него возникли разно-образные вопросы, задавать которые не очень хотелось.)

Чарли попятился из комнаты, ладонью прикрыл за собой дверь, затем направился по коридору и мимо стола, из-за которого неонатальная медсестра со змеей на ноге косвенно ему улыбнулась.

Чарли ездил на минифургоне-шестилетке, унаследованном от отца вместе с лавкой старья и зданием, где та располагалась. В минифургоне всегда пахло пылью, нафталином

---

³ Имеется в виду ирландская певица и автор песен Шинейд Мари Бернадетт О’Коннор (р. 1966); в конце 1980-х – начале 1990-х брила голову.

и потом, несмотря на целый лес благоухающих рождественских елочек, которые Чарли развешивал по всем крючкам, ручкам и выступам в салоне. Он открыл дверцу, и его омыл аромат нежеланного – этим товаром и торгуют старьевщики.

Не успев даже вставить ключ в зажигание, Чарли заметил компакт-диск Сары Маклахлан⁴ на пассажирском сиденье. Да, Рейчел его будет не хватать. Ее любимый диск – а она приходит в себя после родов без него; такого Чарли не потерпит. Он схватил диск, закрыл фургон и кинулся обратно в палату.

К его облегчению, медсестра покинула свой пост, а потому Чарли не пришлось выдерживать ее ледяной укоризненный взгляд – ну, во всяком случае, он рассчитывал на лед укоризны в этом взгляде. Мысленно подготовил краткую речь о том, что хороший муж и отец предугадывает нужды и потребности жены, а это, в свою очередь, означает и доставку ей музыки... Ладно, речь пригодится и на обратном пути, если его окатят ледяной укоризной.

Дверь в палату он открыл медленно, чтобы не испугать жену. Он предвкушал ее теплую улыбку неодобрения, но Рейчел, судя по всему, спала – а у кровати ее стоял очень высокий черный человек, одетый в мятно-зеленое.

– Что вы тут делаете?

Человек в мятно-зеленом, вздрогнув, обернулся.

– Вы меня видите? – Он ткнул в свой шоколадного цвета галстук, и Чарли – всего лишь на секунду – вспомнил тоненькие мятные пастилки, которые кладут на подушки в тех отелях, что получше.

– Конечно, вижу. Что вы тут делаете?

Чарли подступил ближе к кровати Рейчел, поместив себя между незнакомцем и своей семьей. Младенца Софи черный дылда, похоже, заморозил.

– Это нехорошо, – сказал Мятный.

– Вы ошиблись палатой, – произнес Чарли. – Уходите отсюда. – Он потянулся назад и потрепал Рейчел по руке.

– Это очень и очень нехорошо.

– Сэр, моя жена пытается заснуть, а вы ошиблись палатой. Уйдите, пожалуйста, пока я...

– Она не спит, – сказал Мятный. Голос его был мягок и звучал немного по-южному. –

Простите.

Чарли повернулся и посмотрел на Рейчел, рассчитывая увидеть ее улыбку, услышать, как она велит ему успокоиться, но глаза жены были закрыты, а голова скатилась с подушки.

– Милая? – Чарли выронил диск и бережно потряс жену. – Милая?

Младенец Софи заплакала. Чарли пощупал лоб Рейчел, взял ее за плечи и потряс сильнее.

– Милая, проснись. Рейчел. – Он приложил ухо к ее сердцу – и ничего не услышал. – Сестра! – Пошарил по постели и схватил звонок, выпавший на одеяло. – Сестра! – Он заколотил по кнопке, затем развернулся к человеку в мятно-зеленом. – Что здесь...

Тот исчез.

Чарли выбежал в коридор, но там никого не было.

– Сестра!

Через двадцать секунд явилась медсестра со змеей на ноге, а еще через тридцать – бригада реаниматоров со своей экстренной каталкой.

Медицина оказалась бессильна.

---

⁴ Сара Энн Маклахлан (р. 1968) – канадская певица и автор песен, известна своими трогательными балладами.

2. Тонкая грань

У новой скорби тонкая грань, она режет нервы, отсекает реальность – острое лезвие милосердно. Лишь со временем, когда оно затупляется, приходит подлинная боль.

Поэтому Чарли едва ли осознавал, как вопил в больничной палате Рейчел, как ему кололи успокоительное, как в тот первый день все окутывала пленкой электризованная истерия. После – воспоминания из прогулки лунатика, сцены, снятые из глазницы зомби: он, живой труп, пробирается сквозь объяснения, обвинения, приготовления и церемонию.

– Это называется тромбоэмболией сосудов головного мозга, – сказал ему врач. – При родах в ногах или почечной лоханке образуется сгусток, затем он перемещается в мозг и перекрывает кровоток. Очень редко, но случается. Медицина бессильна. Если бы даже реаниматоры сумели ее оживить, ущерб для мозга был бы обширен. Боли она не почувствовала. Вероятно, ей просто захотелось спать, и она скончалась.

Чтобы не закричать, Чарли прошептал:

– Человек в мятно-зеленом! Он ей что-то сделал. Он что-то ей вколол. Он там был, он знал, что она умирает. Я его видел, когда вернулся с диском.

Ему показали пленки службы безопасности, и все – медсестра, врач, администраторы и юристы – посмотрели черно-белые кадры: вот Чарли выходит из палаты Рейчел, вот пустой коридор, вот Чарли возвращается в палату. Никакого черного дылды в мятно-зеленом. Даже компакт-диск не нашли.

Недосып, сказали все. Галлюцинации, вызванные измождением. Травма. Ему дали что-то для сна, что-то от тревожности, что-то от депрессии и отправили домой с малюткой-дочерью.

Когда на второй день Рейчел отбормотали и похоронили, малютку Софи держала на руках Джейн, старшая сестра Чарли. Он не помнил, как выбирал гроб, как все улаживал. Больше походило на сон сомнамбулика: взад-вперед шаткими призраками перемещались ее родственники в черном, извергая малоадекватные клише соболезнований:

– Нам очень жаль. Она была так молода. Какая трагедия. Если мы чем-то можем помочь...

Отец и мать Рейчел обнимали Чарли, соприкасаясь с ним головами в вершине треножника. Сланцевый пол похоронного зала был испятнан их слезами. Всякий раз, когда плечи тещи сотрясались от рыданий, сердце Чарли разрывалось вновь. Сол сжал лицо зятя ладонями и сказал:

– Ты не представляешь, потому что я не представляю.

Но Чарли представлял, ибо он был бета-самцом и на нем лежала проклятая печать воображения; он представлял, потому что потерял Рейчел, а теперь у него дочь – эта крохотная незнакомка, что спит у его сестры на руках. Он представлял, как и ее забирает человек в мятно-зеленом.

Чарли посмотрел на пол в пятнах от слез и сказал:

– Вот почему большинство похоронных залов застелено коврами. А то кто-нибудь поскользнется.

– Бедный мальчик, – произнесла мать Рейчел. – Мы, разумеется, посидим с тобой шиву.

Чарли пробрался через зал к сестре; на той был его двубортный костюм из темно-серого габардина в тонкую полоску, и от сочетания суровой прически поп-звезды восьмидесятых и младенца в розовом одеяльце сестра смотрелась не столько андрогинной, сколько попутанной. Чарли считал, что на ней костюм сидит гораздо лучше, чем на нем, но все равно могла бы и спросить разрешения.

– Я так не могу, – сказал он. И дал себе рухнуть вперед, пока отступающий клин его темных волос не уперся в ее склеенный гелем платиновый чубчик имени “Стаи чаек”⁵. Ему казалось, что для скорби это лучшая поза – вот так бодаться: вроде как пьяно стоишь у писсуара и падаешь, пока не воткнешься головой в стену. Отчаяние.

– Ты отлично держишься, – сказала Джейн. – Так редко у кого получается.

– Что такое, нахуй, “шива”?

– Мне кажется, это такой индусский бог со всякими руками.

– Что-то не то. Голдстины собираются со мной на нем сидеть.

– Рейчел что, не научила тебя быть евреем?

– Я не обращал внимания. Думал, у нас еще есть – время.

Джейн переместила малютку Софи в позу мяча в руке полузащитника, а свободную ладонь положила Чарли на загривок.

– У тебя все будет хорошо, братишка.

– Семь, – сказала миссис Голдстин. – “Шива” означает “семь”. Раньше мы сидели семь дней, оплакивали покойных, молились. Так делали ортодоксы, теперь же большинство сидит всего три.

Шиву они сидели в квартире Чарли и Рейчел, выходявшей на линию канатной дороги на углу Мейсон и Вальехо. Здание это – четырехэтажное, эдвардианское (архитектурно – не вполне кутюр роскошной викторианской куртизанки, но все равно вульгарных оборок и хлама довольно, чтобы наскоро оприходовать морячка в переулке) – построено было после того, как землетрясение и пожар 1906 года смели с лица земли целый район, ныне ставший Северным пляжем, Русским холмом и Китайским кварталом. Когда четыремя годами ранее умер отец, Чарли и Джейн унаследовали здание вместе с лавкой старья, занимавшей первый этаж. Чарли достались дело, просторная спаренная квартира, где прошло их детство, и стоимость содержания развалюхи, а Джейн – половина дохода от аренды и одна из квартир на верхнем этаже с видом на мост Бей-бридж.

По распоряжению миссис Голдстин все зеркала в доме затащили черной тканью, а на кофейный столик посреди гостиной водрузили здоровенную свечу. Сидеть полагалось на низких скамеечках или подушках, в доме ни того ни другого не нашлось, поэтому Чарли впервые после смерти Рейчел спустился в лавку за чем-нибудь подходящим. Из кладовой за кухней черная лестница вела на склад, где Чарли среди ящиков товара, который еще предстояло рассортировать, оценить и вынести в лавку, устроил себе кабинет.

Внутри было темно, если не считать того света, что сочился в витрину от уличных фонарей на Мейсоне. Чарли остановился у подножия лестницы, не снимая руки с выключателя, – просто смотрел. Среди полок с безделушками и книгами, башен старых радиоприемников, вешалок с одеждой – все темное, сплошь бугристые тени во мраке – что-то тлело красным, чуть ли не пульсировало, словно бились сердца. На вешалках – свитер, в горке с антиквариатом – фарфоровая лягушка, у самой витрины – старый поднос “Кока-Кола”, пара башмаков. Все это рдело.

Чарли щелкнул выключателем, флуоресцентные трубки зажглись, сперва помигав, жизнью, и вся лавка осветилась. Красное сияние погасло.

– Таааак, – сказал себе Чарли – спокойно сказал, точно теперь все было в полном порядке. Выключил свет. Горящая красная хрень. На стойке неподалеку тускло светилась латунная визитница, отлитая в виде американского журавля. Секунду Чарли к ней присматривался – просто убедиться, что на нее не падает жуткий – отсвет какого-нибудь красного фонаря сна-

---

⁵ A Flock of Seagulls (с 1979) – британская поп-группа, относившаяся к движению “новых романтиков”, чей пик популярности пришелся на самое начало 1980-х гг.

ружи. Шагнул в темную лавку, взгляделся в латунного журавля пристальнее, склонив голову набок. Не-а, красным явно пульсировала сама латунь. Чарли развернулся и рванул вверх по лестнице изо всех сил.

Влетев в кухню, он едва не сшиб Джейн, которая нежно укачивала малютку Софи на руках, что-то ей при этом тихонько воркуя.

– Что? – спросила Джейн. – Я же знаю, у тебя внизу валяются какие-то здоровые подушки.

– Не могу, – ответил Чарли. – Я устал. – И он рухнул на холодильник так, словно брал его в заложники.

– Я принесу. На, поддержи ребенка.

– Не могу, я обдолбан. У меня галлюцинации.

Джейн разместила младенца в изгибе правой руки, а левой обняла младшего брата за плечи.

– Чарли, ты принимаешь антидепрессанты и успокоительные, а не трескаешь кислоту. Посмотри – вокруг, здесь же все на чем-нибудь сидят. – Чарли – послушно – выглянул в кухонный проход: женщины в черном, большинство – средних лет или старше, качают – головами, мужчины держатся стоически, рассредоточились по периметру гостиной, у каждого в руках – по солидному стакану, все плятятся в пространство. – Видишь, всем пиздец.

– А маме? – Чарли показал подбородком на мать, выделяющуюся из прочих седовласых дам в трауре. Она была обвешана серебряными украшениями навахо и так загорела, что, делая глоток “старомодного”⁶, вся будто утекала в стакан.

– Маме особенно, – ответила Джейн. – Схожу по-ищу, на чем сидеть шиву. Не знаю, почему нельзя на диване. Бери дочь.

– Не могу. Мне доверять ее не стоит.

– Бери, сука! – рявкнула Джейн прямо в ухо брату – но как бы шепотом. Между ними уже давно решилось, кто в доме альфа-самец, – им был не Чарли. Джейн сунула ему в руки малютку и направилась к лестнице.

– Джейн, – воззвал к ее спине брат. – Ты там оглядись, перед тем как зажигать свет. Может, какую жуть заметишь.

– Ну да. Жуть.

Джейн оставила Чарли в кухне – он внимательно осматривал дочь: ну, может, голова чуть продолговатая, а так немножко похожа на Рейчел.

– Твоя мамочка любила тетю Джейн, – сообщил он малютке. – Они вместе разбивали меня в “Риск”... и в “Монополию”... и в спорах... и на кухне у плиты. – Спиной он сполз по холодильнику на пол, уселся, раскинув ноги, и зарылся лицом в одеяльце Софи.

В темноте Джейн шваркнулась лодыжкой о деревянный ящик со старыми телефонами.

– Да это просто дурь какая-то, – сказала она себе и щелкнула выключателем. Никакой жути. Затем – потому что Чарли бывал кем угодно, только не психом – опять выключила свет: ничего не пропустила? – Жуть, ага.

Никакой жути в лавке не наблюдалось – за исключением самой Джейн, которая стояла в торговом зале и потирала лодыжку. Но, не успев снова зажечь свет, Джейн заметила, как снаружи кто-то заглядывает в витрину – ладонями защищает глаза, чтобы пробиться взглядом сквозь отражения фонарей. Пьяный турист или бездомный, решила она. Прошла по темной лавке между минаретами комиксов и укрылась за вешалкой с пиджаками, откуда хорошо просматривалась витрина, вся в гроздьях дешевых фотоаппаратов, уставленная вазами, усыпанная ремешками пряжками и прочим барахлом, кое Чарли почитал достойным покупательского – интереса, но не достойным того, чтобы расколоть стекло и стибрить.

---

⁶ “Старомодный” считается первым коктейлем: бурбон, скотч или ржаной виски, содовая, горькая настойка “Ангостура” и кубик сахара. Рецепт и способ приготовления впервые описаны в 1806 г.

Мужик был вроде высок ростом и не бездомен – одет прилично, только отчасти монотонно, в светлое. Джейн показалось – в желтое, но под уличными фонарями не угадаешь. Может, и светло-зеленое.

– Мы закрыты, – сказала она громко, чтоб ее услышали сквозь стекло.

Человек снаружи оглядел всю лавку, но Джейн не – заметил и отошел от окна. И впрямь дылда. Очень дылда. Свет поймал линию его скулы, когда он повернулся. А кроме того, очень худ и до крайности черен.

– Я ищу хозяина, – сказал дылда. – Надо ему кое-что показать.

– В семье горе, – ответила Джейн. – Мы будем закрыты всю неделю. Можете прийти через неделю?

Дылда кивнул, оглядывая всю улицу слева и справа. Качнулся на одной ноге, будто собирался задать стрекача, но все время останавливал себя – как спринтер, напрягшийся у стартовой колодки. Джейн не шелохнулась. На улице всегда кто-нибудь есть, к тому же еще даже не слишком поздно, только мужик все равно какой-то дерганый.

– Послушайте, если вам нужно что-нибудь оценить...

– Нет, – оборвал он. – Нет. Просто передайте ему, что она... нет, скажите, пусть ждет бандероли почтой. Пока не знаю, когда придет.

Джейн сама себе улыбнулась. У мужика что-то есть – брошка, монета, книга, – и штукавина эта, считает мужик, принесет ему какие-никакие деньги; выкопал, наверное, в бабушкином чулане. Такое Джейн видела десятки раз. Ведут себя при этом так, словно отыскивали потерянный город Эльдorado, – приходят, запрятав вещицу под курткой или обернув в тысячу слоев папиросной бумаги и обмотав клейкой лентой. (Чем больше ленты, как правило, тем ничемнее оказывается предмет, – наверное, соотношение можно рассчитать по какой-нибудь формуле.) В девяти случаях из десяти – наверняка дрянь. Джейн наблюдала, как отец искусно пытался не обидеть такого клиента и мягко низвести его до разочарования, убедить, что от воспоминаний вещь бесценна и он, презренный старьевщик, даже не станет пытаться ее оценить. Чарли же просто говорил им, что ничего не понимает в брошках, монетах или что у них там, и за дурными известиями отправлял к кому-нибудь другому.

– Ладно, передам, – сказала Джейн из укрытия пиджаков.

На этом дылда удалился огромными шагами богомола, скрылся с глаз. Джейн пожала плечами, отошла от – витрины и зажгла свет, после чего нырнула за подушками в кучи старья.

Заведение было немаленькое, оно занимало – почти весь нижний этаж здания, к тому же порядка здесь не наблюдалось почти никакого, ибо каждая система, разработанная Чарли, через пару недель рушилась под собственной тяжестью, и в сухом остатке выходило не лоскутное одеяло благоустройства, а заросший сад несочетаемых куч. Лили, девушка-готка со свекольными волосами, работавшая у Чарли три дня в неделю, говорила, что если им вообще удастся здесь что-либо находить, это просто лишнее доказательство теории хаоса, – после чего, бормоча себе под нос, удалялась в переулок курить гвоздичную папироску и прозревать Бездну. (Хоть Чарли как-то и заметил, что эта самая Бездна до ужаса напоминает обычный мусорный контейнер.)

Навигация по проходам заняла у Джейн минут десять; она отыскала три подушки, вроде бы широкие и толстые, в самый раз для сидения шивы, а вернувшись в квартиру, брата своего обнаружила на полу – тот свернулся зародышем вокруг малютки Софи и спал. Остальные плакальщики совершенно о нем забыли.

– Эй, обалдуй. – Носком она потыкала ему в плечо, и Чарли перевернулся на спину, не выпустив из рук младенца. – Эти сойдут?

– Ты видела свет?

Джейн уронила подушки на пол.

– Чего?

– Свет. Красный. Ты видела в лавке такое, что светилось бы – ну как бы пульсировало красным?

– Нет. А ты?

– Вроде как видел.

– Бросай.

– Что?

– Колеса. Давай их сюда. Очевидно, они гораздо лучше, чем ты меня уверял.

– Но ты же сама сказала, что это просто успокоительные.

– Бросай колеса. Я присмотрю за ребенком, пока ты шивишься.

– На колесах ты не можешь присматривать за моей дочерью.

– Это ничего. Сдавай короюда и иди сиди.

Чарли передал младенца Джейн.

– Маму тоже близко не подпускай.

– Без колес – не смогу.

– Они в аптечке. Нижняя полка в ванной.

Он теперь сидел на полу, растирая лоб так, словно хотел натянуть кожу на свою боль.

Сестра пихнула его коленом в плечо.

– Эй, братишка, ты меня извини, ну? Само собой, ну?

– Ну. – Слабенькая улыбка.

Она подняла малышку повыше и взглянула на нее с обожанием, как Богоматерь.

– Что скажешь? Мне такое тоже надо, а?

– Можешь мою одалживать, когда понадобится.

– Не-а, мне бы своего. Мне и так уже стыдно, что я у те-бя жену одалживала.

– Джейн!

– Шутка! Господи. Иногда ты такой задрот. Иди сиди шиву. Иди. Иди. Иди.

Чарли собрал подушки и отправился в гостиную скорбеть вместе с родней; он нервничал, – потому что помнил единственную молитву – “День прошел. Иду ко сну”⁷, – только не был уверен, получится ли растянуть ее на три дня.

Про дылду из лавки Джейн рассказать забыла.

---

⁷ Классическая детская молитва XVIII в., существует во множестве народных версий.

3. Под автобусом номер сорок один

Из дому Чарли вышел только через две недели – добрал до банкомата на авеню Колумба, где впервые и убил человека. Орудием убийства он избрал автобус сорок первого маршрута, шедший от автовокзала “Транс-Бей”, по Бей-бридж и к Пресидио мимо моста Золотые Ворота. Если вы нацелились попасть под автобус в Сан-Франциско, выбирайте сорок первый: с хорошей точностью, вид на мост у вас будет замечательный.

В то утро Чарли вообще-то не собирался никого убивать. Он намеревался раздобыть двадцаток для кассы в лавке, проверить баланс, ну и, может, захватить в гастрономии белой горчицы. (Черную он не переваривал. Черная горчица – это приправа, равносильная затычным прыжкам с парашютом, годится для профессиональных гонщиков и серийных убийц, а Чарли для остроты жизни вполне хватало прекрасных – образцов английской белой.) После похорон друзья и родственники оставили в холодильнике Чарли гору мясной нарезки – ею он и питался эти две недели, однако теперь сохранились только ветчина, темный ржаной хлеб и готовая молочная смесь “Энфамил”, а без белой горчицы все это было невыносимо. Желтоватый пластиковый горшочек он раздобыл, и теперь, когда горчица лежала в кармане пиджака, Чарли стало как-то надежнее. Но парня сбил автобус, и она совершенно вылетела у Чарли из головы.

Стоял теплый октябрьский день, воздух над городом по-осеннему смягчился, летний туман прекратил свои неуклонные ежеутренние поползновения из Залива, а ветерка дуло ровно столько, что несколько яхт, рассыпавшихся по водной глади, выглядели так, словно позировали для художника-импрессиониста. Ту долю секунды, за которую парень сообразил, что его давят, он, быть может, и не радовался такому событию, но лучше денька для смерти все равно бы не выбрал.

Жертву звали Уильям Крик. Тридцать два года, работал рыночным аналитиком в финансовом районе, куда и направлялся в то утро, когда решил остановиться у банкомата. На нем был легкий шерстяной костюм и кроссовки, а полуботинки для работы болтались под мышкой в кожаной сумке на ремне. Из бокового кармана высывалась ручка складного зонтика, она-то и привлекла внимание Чарли – по виду сделана под ореховый кап, но пылала тускло-красным, будто ее раскалили в кузнице.

Чарли стоял в очереди к автомату, стараясь не замечать, стараясь выглядеть незаинтересованным, – но не паяться не мог. Она, блядский ужас, пылает, не-ужели никто не видит?

Суя карточку в банкомат, Уильям Крик глянул через плечо, перехватил упорный взгляд Чарли и попробовал силой воли растопырить полы пиджака в огромные крылья ската-манты, чтобы Чарли не увидел, какой код он вводит. Потом выхватил из автомата кар-точку, – собрал отхаркнутую наличку, повернулся и быстро зашагал прочь, к перекрестку.

Чарли не выдержал. Ручка зонтика запульсировала красным, как трепетное сердце. Когда Крик дошел до самого бордюра, Чарли окликнул его:

– Простите. Прошу прощения, сэр. – Крик обернулся, и Чарли сказал: – Ваш зонтик...

В то же мгновение, миновав перекресток Колумба и Вальехо, к остановке со скоростью около тридцати пяти миль в час подкатывал сорок первый автобус. Крик глянул на сумку у себя под мышкой, и пятка его кроссовки столкнулась с бордюром. Он стал терять равновесие – какой день ни возьми, все мы тоже так умеем: идем, скажем, по городу, споткнемся о неровность тротуара и для равновесия делаем пару быстрых шажков. Но Уильяму Крику удался лишь один. Шажок назад. С тротуара.

Тут уж пилюлю никак не подсластить, правда? Сорок первый долбанул его презрительно. Добрых пятьдесят футов летел Уильям Крик по воздуху, пока не вписался в заднее стекло “СААБа” наподобие огромного габардинового мешка с мясом, после чего отскочил на мостовую и начал истекать разными жидкостями. Пожитки его – сумка, зонтик, золотая заколка для

галстука, часы “ТАГ-Хойер” – поскакали по улице, – рикошетом – отлетая от шин, ботинок, крышек люков, и что-то упокоилось, преодолев чуть ли не квартал.

Чарли стоял на обочине, стараясь продышаться. Он слышал какой-то писк, словно кто-то дул в свисток детского паровоза, а больше не слышал ничего, и тут на него кто-то налетел. Чарли понял, что ритмично поскуливает сам. Парня – парня с зонтиком – только что стерло с лица земли. Понабежал народ, люди столпились вокруг, человек десять что-то рывкали в мобильники, водитель автобуса едва не расплющил Чарли, несясь по тротуару к луже крови. Чарли качнулся за ним следом.

– Я просто хотел спросить у него...

На Чарли никто не смотрел. Сестра так его убеждала выйти из квартиры, он наконец собрался с духом – и вот на тебе?

– Я просто хотел сказать ему, что у него зонтик горит, – произнес Чарли, словно оправдываясь перед обвинителями. Хотя вообще-то его никто не обвинял. Все бежали мимо – кто-то к телу, кто-то прочь, – и Чарли пихали, затем озирались, точно столкнулись не с человеком, а с сильным сквозняком или призраком. – Зонтик, – сказал Чарли, ища глазами вещественное доказательство. И тут заметил его – почти на следующем перекрестке: зонтик лежал в кювете и по-прежнему пульсировал красным, как перегорающая неоновая вывеска. – Вон! Видите! – Однако люди собрались широким полукругом возле мертвого тела, все прижимали руки ко рту, и никто не обращал внимания на перепуганного задохлика, который у них за спиной нес какую-то околесицу.

Чарли пробился сквозь толпу к зонтику, ему очень хотелось удостовериться, а происшедшим его ушибло так, что он даже не испугался по-настоящему. Когда до зонтика оставалось шагов десять, он осмотрелся, прежде чем ступить на проезжую часть, – не едет ли еще какой-нибудь автобус. Снова к зонтику он обратил свой взор как раз в тот миг, когда из ливнесточка змеей скользнула хрупкая черная рука, схватила зонтик и утащила под землю.

Чарли попятился, озираясь: заметил ли кто-нибудь еще то, что заметил он, но никто ничего не заметил. Никто даже взглядом с ним не встретился. Мимо протрусил полицейский, и Чарли успел схватить его за рукав, но, когда полицейский развернулся, глаза у него распахнулись в смятении, которое тут же сменилось на достойный ужас. Чарли его отпустил.

– Извините, – пробормотал он. – Простите. Я вижу, вам работать надо... простите.

Полицейский содрогнулся и стал проталкиваться сквозь толпу зевак к искалеченному телу Уильяма – Крика.

Чарли побежал – через Колумба, по Вальехо, пока сопение и бой сердца в ушах не заглушили собой уличный шум. До лавки оставался всего квартал, и тут его накрыла громадная тень, будто от низколетящего самолета или гигантской птицы, и позвоночник у Чарли завибрировал. Он опустил голову, заработал руками и свернул за угол Мейсон как раз в тот миг, когда мимо проезжал вагончик канатной дороги, набитый улыбчивыми туристами, смотревшими прямо сквозь него. Он поднял взгляд – лишь на секунду, – и ему помстилось, будто в вышине что-то исчезает прямо над шестиэтажным викторианским домом через дорогу; тут он и влетел к себе в лавку.

– Эй, босс, – сказала Лили. Ей было шестнадцать – бледная, тяжеловатая в корме: ее формы взрослой женщины еще не окончательно перетекли от детского жирка к деторождению. Сегодня волосам ее выпал лавандовый окрас и выглядели они как шлем домохозяйки пятидесятих в целлофановой пастели пасхальной корзинки.

Чарли согнулся, опершись на горку с антиквариатом у двери, и глубокими задышливыми глотками хватал затхлый дух старья.

– По – моему – я – сейчас – кого – то – убил, – рывками вытолкнул он из себя.

– Отлично, – ответила Лили, игнорируя как информацию, так и манеру ее преподнесения. – Нам нужна мелочь для кассы.

– Автобусом, – произнес Чарли.

– Звонил Рей, – сообщила Лили. Рей Мейси был вторым служащим Чарли – тридцатидевятилетний холостяк с нездоровым отсутствием границ между интернетом и реальностью. – Он летит в Манилу знакомиться с любовью всей его жизни. Некоей Мисс ДавноТебяЛюблю. Рей убежден, что им на роду написано быть вместе.

– В стоках что-то было, – сказал Чарли.

Лили осмотрела царапину на черном лаковом ногте.

– Поэтому я сачкую, чтоб его подменить. Я это во-общем делаю с тех пор, как ты... э-э... не с нами. Мне нужна записка.

Чарли выпрямился и добрался до стойки.

– Лили, ты слышала, что я сказал?

Он схватил ее за плечи, но она выкрутилась из его хватки.

– Ай! Блядь. Отвянь, Ашер, садист уродский, у меня там новая татуха. – Она двинула его в локоть – больно – и попятилась, растирая себе плечо. – Слышала, слышала. Хватит шизовать, сильвупле. – В последнее время Лили, после того как отрыла в стопке подержанных книг на складе “Цветы зла” Бодлера, обильно пересыпала свою речь французскими выражениями. “Франсэз лучше выражает глубинную нуарность моего экзистанса”, как она выразилась однажды.

Обеими руками – чтобы не тряслись – Чарли оперся о стойку, после чего заговорил медленно и подчеркнито. Будто беседовал с человеком, для которого английский – неродной:

– Лили, у меня как бы очень плохой месяц, и я ценю, что ты жертвуешь своим образованием ради того, чтобы приходить сюда и отчуждать от меня клиентов, но если ты не сядешь и не проявишь ко мне, блядь, немножко человеческого сочувствия, придется тебя уволить.

Лили села на хромово-виниловый табурет из закуской, стоявший за кассой, и отвела от глаз лавандовую челку.

– Значит, ты хочешь, чтобы я внимательно выслушала твое признание в убийстве? Все записала, может, даже достала с полки старый кассетник и зафиксировала на пленке? Ты утверждаешь, будто, пытаешься не обращать внимания на твое очевидное расстройство от горя, о чем впоследствии я вынуждена буду сообщить полиции и таким образом понести личную ответственность за отправку тебя в газовую камеру, – я тем самым проявляю черствость?

Чарли содрогнулся.

– Господи, Лили. – Ее зловещие скорострельность и прицельность неизменно его изумляли. Во всем зловещем она была чем-то вроде вундеркинда. Но имелась и светлая сторона: крайняя мрачность ее мировосприятия подсказывала Чарли, что в газовую камеру он, вероятно, все-таки не отправится. – Это было не такое убийство. За мной что-то следило, и...

– Молчанье! – Лили простерла руку. – Мне лучше не являть корпоративный дух через посредство предания своей фотографической памяти всех подробностей твоего отвратительного преступления, дабы не пришлось вспоминать потом в суде. Давай я просто скажу, что видела тебя, но для человека, у которого шарик за ролики заехали, ты выглядел вполне нормально.

– У тебя нет фотографической памяти.

– А вот и есть, и это мое проклятье. Никак не могу забыть тщиety...

– За последний месяц ты минимум восемь раз забыла вынести мусор.

– Я не забыла.

Чарли поглубже вдохнул: привычность спора с Лили как-то даже успокаивала.

– Тогда ладно. Чур, не подглядывать – какая на тебе сегодня рубашка? – Он воздел бровь, словно тут-то Лили и поймал.

Девушка улыбнулась, и на какую-то секунду Чарли разглядел, что она просто мелкая пацанка, довольно хорошенькая и оттяжная под всем этим своим злобным гримом и прихватами.

– Черная.

– Удачное совпадение.

– Ты же знаешь, я ношу только черное. – Она ухмыльнулась. – Хорошо, что про цвет волос не спросил. Я только сегодня утром поменяла.

– Знаешь, это вредно. В краске токсины.

Лили приподняла на голове лавандовый парик, под которым обнажился коротко обрванный свекольный ежик, затем опустила на место.

– Я вся натуральная. – Она встала и похлопала по сиденью табурета: – Сядь, Ашер. Исповедуйся. Наскучь мне.

Лили облокотилась на стойку и со всем – вниманием склонила голову набок, однако с темной подводкой глаз и лавандовой прической больше смахивала на марионетку с порванными нитями. Чарли обошел стойку и сел на табурет.

– В общем, стою просто в очереди за этим парнем, Уильямом Криком, и вижу, что зонтик у него рдеет...

И Чарли изложил ей всю историю – и про зонтик, и про автобус, и про руку в ливнестоке, и про бег домой наперегонки с темной тенью над крышами домов, – а когда закончил, Лили спросила:

– Так откуда ты знаешь, как его звали?

– А? – сказал Чарли. Столько ужасного произошло, столько неопишимо фантастического – и почему, почему нужно спрашивать именно об этом?

– Откуда ты знаешь, как его звали? – повторила Лили. – Ты же с ним даже словом не перебрался перед тем, как он кони двинул. Подсмотрел на чеке?

– Нет, я... – Он понятия не имел, откуда знает, как звали парня, только вот имя вдруг само написалось прямо у него в голове здоровенными печатными буквами. Он соскочил с табурета. – Мне надо идти, Лили.

И он ускакал на склад и запрыгал вверх по ступеням.

– Мне все равно записка для школы нужна, – крикнула ему вслед Лили, но Чарли уже неся по кухне, мимо обширной русской женщины, которая подкидывала на руках его малютку Софи, – прямо в спальню; а там схватил с тумбочки блокнот, который всегда лежал у телефона.

Его собственным угловатым почерком в блокноте значилось имя Уильяма Крика, а под ним – цифра 12. Чарли грузно опустился на кровать, держа блокнот в руке, словно пробирку со взрывчаткой.

У него за спиной раздалась тяжелая поступь миссис Корьевой – она зашла за ним следом в спальню.

– Мистер Ашер, что не такой? Вы бежил, как подпаленный медведь.

И Чарли – будучи бета-самцом, а за миллионы лет у них развился стандартный бета-ответ на все необъяснимое, – ответил:

– Они хотят моей смерти.

Когда в лавку вошел почтальон Стефан, Лили подправляла колер ногтей черным “Волшебным маркером”.

– Н’как-оно, Мгля? – спросил он, извлекая из сумки пачку корреспонденции. Сорокот, низенький, мускулистый и черный. Носил темные очки-обод, но почти неизменно сдвигал их к макушке, поверх волос, заплетенных в тугие початки. Лили к нему относилась неоднозначно. Он ей нравился, потому что называл ее Мгля – сокращение от Мглива Эльфокусс: под таким именем она получала в лавке всю почту; но поскольку Стефан был жизнерадостен, да и люди

ему, похоже, нравились, Лили ему очень не доверяла. – Надо расписаться, – сказал он, протягивая электронный планшет, на котором она выцарапала “Шарль Бодлер” – с изысканным росчерком и даже не глянув.

Стефан шлепнул корреспонденцию на стойку.

– Опять одна работаешь? А где все?

– Рей на Филиппинах, у Чарли травма. – Она вздохнула. – Все бремя мира на моих плечах...

– Бедный Чарли, – сказал Стефан. – Говорят, хуже нет, чем вот так супружницу потерять.

– Ага, и это тоже. Сегодня у него травма, потому что он увидел, как на Колумбе парня задавило автобусом.

– Слышал. Выкарабкается?

– Блядь, да откуда, Стефан, его же автобусом задавило. – Лили впервые оторвала взгляд от ногтей.

– Я в смысле – Чарли. – Стефан подмигнул, хотя посмотрели на него сурово.

– Ох, ну он же Чарли.

– Как мелкая?

– Очевидно, протекает вредоносными веществами. – Лили помахала у себя под носом “Волшебным маркером”, словно тот мог заглушить аромат созревшего младенца.

– Значит, все хорошо, – улыбнулся Стефан. – На сегодня все. У тебя мне чего-нибудь есть?

– Вчера приняла красные виниловые платформы. Мужские, десятый размер⁸.

Стефан коллекционировал винтажную одежду сутенеров семидесятых. И Лили полагалось отслеживать, что поступает в лавку.

– Высота?

– Четыре дюйма.

– Низковысотные, – произнес Стефан, как будто это все объясняло. – Ну бывай, Мгля.

Лили помахала ему на прощанье “Волшебным маркером” и принялась сортировать корреспонденцию. В основном счета, пара флаеров... а вот один толстый черный конверт – похоже, книга или каталог. Адресован Чарли Ашеру “попечением” магазина “Ашеровское старье”, а штемпель гласил, что отправлено это с Плутонова Брега Ноци⁹, который, очевидно, располагался в каком-то штате на букву П. (Лили полагала географию не только смертельно скучной для ума, но и – в век интернета – совершенно излишней.)

Разве не вверено сие попечению “Ашеровского старья”? – рассуждала Лили. И разве она, Лили Мглива Эльфокусс, не сидит за стойкой, единственный работник – о нет, фактически управляющий вышеозначенным заведением, торгующим подержанным товаром? И разве не вправе она – нет-нет, разве не обязана она вскрыть конверт и избавить Чарли от раздражения при выполнении сей задачи? Вперед же, Эльфокусс! Судьба твоя предрешена, ну а если и не судьба, то уж наверняка отыщется благовидная отмазка, что на языке политики одно и то же.

Из-под прилавка она вытащила усыпанный драгоценностями кинжал (камни оценены в сумму, превышающую семьдесят три цента), взрезала конверт, вытащила книгу – и влюбилась.

Обложка была блестящей, как у детской книжки с картинками, а иллюстрация на ней изображала ухмыляющегося скелета с крохотными людишками, нанизанными ему на пальцы, – все они, похоже, веселились как никогда в жизни, будто наслаждались каким-нибудь аттракционом на карнавале, только в программу поездочки теперь входило пробитие зияющей дыры в груди. Праздник, а не картинка: много цветочков и леденцов, яркие краски, в духе мексикан-

---

⁸ Соответствует 42-му.

⁹ Аллюзия на стихотворение американского поэта Эдгара Аллана По (1809–1849) “Ворон” (Raven, 1845).

ских народных умельцев. Название – “Большущая-пребольшущая книга Смерти” – значилось поверху жизнерадостными буквами, сложенными из человеческих бедренных костей.

Лили открыла книгу на первой странице, к которой скрепкой была прицеплена записка:

Это должно все объяснить. Простите меня.

– МС

Лили отстегнула листик и раскрыла книгу на первой главе: “Итак, теперь вы Смерть: вот что вам потребуется”.

Ей же больше не потребовалось ничего. Это, весьма вероятно, наиклеветейшая книжка, что вообще ей попадалась. И разумеется, боссу такое ни за что не оценить – особенно в его нынешнем состоянии обострившегося невроза. Лили сунула книжку в свой рюкзак, затем порвала записку и конверт на мелкие клочки и захоронила их на самом дне мусорной корзины.

4. Бета-самец в естественной среде обитания

– Джейн, – сказал Чарли, – события последних недель убеждают меня, что жизни в известном нам виде угрожают некие гнусные силы или люди – неопределимые, но оттого не менее подлинные. Не просто угрожают, а намерены расплести самую ткань нашего бытия.

– И поэтому я должна питаться белой горчицей?

Джейн сидела за стойкой в кухне у Чарли и ела коктейльные сосиски “Маленькие копчушки” из пачки, макая их в фирменный горшочек английской горчицы. Малютка Софи сидела на означенной стойке в этой своей штуковине – помеси детского автомобильного сиденья, плетеной колыбельки и шлема имперского штурмовика.

Чарли расхаживал по кухне, для вескости подчеркивая очевидные замечания взмахами сосиской.

– Во-первых, тот мужик в палате Рейчел, который таинственно исчез с пленок.

– Это потому, что его там и не было. Смотри, Софи нравится белая горчица, как тебе.

– Второе, – продолжал Чарли, невзирая на упорное равнодушие сестры, – все это барахло в лавке, что светилось, будто радиоактивное. Не суй это ей в рот.

– О боже мой, Чарли, Софи – натуралка. Смотри, как рвется к “Копчушке”.

– И третье – этот парень Крик, которого вчера сбило автобусом на Колумбе. Я знал, как его зовут, и зонтик у него светился красным.

– Сплошное расстройство, – сказала Джейн. – Я-то предвкушала, как буду растить ее в чисто девочковой команде – дам ей те преимущества, которых никогда не было у меня, а ты посмотри, как она сосиску обрабатывает. Этот ребенок – натурал.

– Вынь это у нее изо рта!

– Расслабься, все равно она ее съесть не сможет. У нее даже зубов нет. И никаких телепузиков к другому концу не приделано. Ух, чтоб выбросить эту картину из головы, мне потребуется здоровенная текила.

– Ей нельзя свинину, Джейн. Она еврей! Ты пытаешься превратить мою дочь в шиксу?

Джейн выдернула коктейльную сосиску изо рта Софи и осмотрела; оптоволоконно слюной по-прежнему связывало продукт с крохотулей.

– По-моему, я такое больше не смогу есть, – произнесла Джейн. – У меня всегда теперь перед глазами будет стоять видение: моя племянница отсасывает у махровой куклы неопределенного пола.

– Джейн! – Чарли выхватил у нее сосиску и метнул в раковину.

– Что?!

– Ты меня вообще слушаешь?

– Да, да – ты сказал, что какого-то парня сбило автобусом и у тебя поэтому теперь ткань расплетается. И?

– И значит, они теперь хотят моей смерти.

– А что здесь нового, Чарли? Ты с восьми лет убежден, что они хотят твоей смерти.

– Хотели. Вероятно. Только теперь все взаправду. – Может быть – взаправду.

– Эй, а эти “Маленькие копчушки” из говядины. Софи все-таки не фикса!

– Шикса!

– Как скажешь.

– Джейн, ты не помогаешь мне решить проблему.

– Какую проблему? У тебя проблема?

А проблема у Чарли была в том, что влачащийся хвост бета-самцового воображения изводил его хуже бамбуковых щепок под ногтями. Альфа-самцы зачастую одарены великолепно

ными физическими свойствами – габаритами, силой, скоростью, симпатичностью, – которые эволюция отбирает за миллионы лет в сильнейших из выживших, поэтому, в сущности, им и достаются все девчонки, а вот ген бета-самцов уцелел не тем, что выступал вперед и преодолевал препятствия, но тем, что предвидел их, а также избегал. Иными словами, – когда альфа-самцы где-то гонялись за мастодонтами, бета-самцы, запросто вообразив, что кидаться с острой палкой на разозленный мохнатый, по сути, бульдозер – как-то опрометчиво, тусовались на стоянке и утешали горюющих вдов. Когда альфа-самцы отправлялись покорять соседние племена – считать жезлы храбрости и забирать головы, – бета-самцы заблаговременно видели, что из-за притока рабынь в случае победы дамы без партнеров неизбежно останутся в избытке: дам этих тут же бросят ради трофейных моделей помоложе – засаливать головы и досчитывать недосчитанные жезлы, – и некоторые найдут утешение в объятиях любого бета-самца, которому хватило тям выжить. А в случае поражения – ну, тогда опять эта байда со вдовами. – Бета-самец – очень редко самый сильный или самый быстрый, но раз он способен предвидеть опасность, его бывает гораздо больше, нежели соперника – альфа-самца. Мир ведут за собой альфы, но машинерия этого мира зиждется на подшипниках бет.

Проблема (проблема, то есть, Чарли) заключалась в том, что воображение бета-самца перед лицом современного общества стало избыточно. Это как клыки саблезубого тигра или тестостерон альфа-самца – воображения у бета-самца попросту намного больше, нежели полезно для дела. Стало быть, многие бета-самцы превращаются в ипохондриков, невротиков, параноиков – либо у них развивается пристрастие к порнухе или видеоиграм.

Потому что, хотя воображение бета-самца выработалось для того, чтобы означенный самец избегал опасности, оно еще предоставляет ему – как побочный эффект, только не наяву – доступ к власти, – деньгам и ногастым феминам модели “модель”, которые в реальности побрезгуют даже пнуть его в почки, чтобы смахнуть червячка с туфельки. Богатая фантазийная жизнь бета-самца зачастую выплескивается в реальность по-чти гениальными самообманами. На самом деле многие – бета-самцы – вопреки любым эмпирическим – доказательствам – взаправду верят, что они альфа-самцы и Создатель наделил их тайной усовершенствованной харизмой, которая, по замыслу внушая благоговенье, тем не менее совершенно незасекаема феминами, сотворенными не из углеродного волокна. Всякий раз, когда супермодель разводится с рок-звездой, бета-самец втайне ликует (или, точнее, на него накатывают валы ничем не подкрепленной надежды), и всякий раз, когда выходит замуж прекрасная кинозвезда, бета-самец чувствует, что возможность упущена. Весь город Лас-Вегас – пластиковое изобилие, сокровищ бери не хочу, вульгарные башни и коктейльные официантки с невероятными сиськами – выстроен на самообмане бета-самца.

И в том, как Чарли познакомился с Рейчел, немалую роль сыграл самообман бета-самца. В тот февральский дождливый день пятью годами ранее, когда Чарли занырнул, спасаясь от ненастья, в “Там, где светло, чисто и книги”¹⁰, а Рейчел одарила его робкой улыбкой поверх стопки Карсон Маккаллерз¹¹, которую раскладывала по полкам. Это потому, что он истекает мальчишеским обаянием, как быстро уверил себя Чарли, – хотя на самом деле улыбалась она скорее потому, что с него просто текло.

– С вас течет, – сказала она. У нее были голубые глаза, светлая кожа и темные привольные кудряшки, обрамлявшие лицо. Она глянула на него искоса – но в самый раз, чтобы подстегнуть его воображение бета-самца.

---

¹⁰ От названия рассказа американского писателя Эрнеста Миллера Хемингуэя (1899–1961) “Там, где светло и чисто” (A Clean, Well-Lighted Place, 1926), вошедшего в сборник “Победителю – ничего” (Winner Take Nothing, 1933). Магазин действительно существовал в Сан-Франциско с 1975 по 2006 г.

¹¹ Карсон Маккаллерз (1917–1967) – американская писательница, прозаик и драматург, чьи работы часто относят к течению “южной готики”, шедевром последней считается упоминаемая далее повесть “Баллада о горестном кабаке” (The Ballad of the Sad Café, 1951).

– Ага, спасибо, – произнес Чарли, делая к ней шаг.

– Принести вам полотенце или что-нибудь?

– Не, я привык.

– С вас течет на Кормака Маккарти.

– Извините. – Чарли вытер рукавом “Кони, кони...”¹², одновременно стараясь разглядеть, хорошенькая ли у нее фигурка под свободным свитером и грузчицкими штанами. – Вы тут часто бываете?

Ответила Рейчел только через секунду. На ней висела бирка с именем, девушка раскладывала товар из металлической тележки и была вполне уверена, что уже видела в книжном этого парня. Значит, он не глупости дает, а ума. Ну как бы. Она ничего не могла с собой поделать – и рассмеялась.

Чарли влажно пожал плечами и улыбнулся:

– Я Чарли Ашер.

– Рейчел, – сказала Рейчел. Они пожали друг другу руки.

– Рейчел, как вы смотрите, если мы как-нибудь выпьем какого-нибудь кофе?

– Это как посмотреть, Чарли. Лучше сначала ответьте на пару вопросов.

– Конечно, – сказал Чарли. – Если не возражаете, у меня тоже есть парочка. – Он сообщил: “Какая вы голышом?” и “Скоро ли я смогу это узнать?”

– Ну прекрасно. – Рейчел отложила “Балладу о горестном кабачке” и отогнула первый палец. – У вас есть работа, машина и где жить? И два последних пункта – не одно и то же? – Ей было двадцать пять, и некоторое время у нее никого не было. Она уже научилась фильтровать претендентов.

– Э-э, да, да, да и нет.

– Отлично. Вы гей? – Некоторое время у нее никого не было в Сан-Франциско.

– Я же вас зову кофе пить.

– Это ничего не значит. У меня бывали парни, кото-рые осознавали, что они геи, только после нескольких свиданий. Выяснилось, что я специализируюсь на геях.

– Ух ты, да вы шутите. – Он оглядел ее с головы до пят и решил, что под мешковатой одеждой фигура у нее, должно быть, хороша. – Я бы решил, что все происходит наоборот, однако...

– Правильный ответ. Ладно, я выпью с вами кофе.

– Не так быстро – а как же мои вопросы?

Рейчел подбоченилась и закатила глаза; вздохнула:

– Хорошо, валийте.

– На самом деле у меня их нет, мне просто не хотелось, чтобы вы думали, будто я – легкая добыча.

– Вы позвали меня пить кофе через тридцать секунд после знакомства.

– Я виноват? Вы там стояли такая, сплошь зубы и – глаза, – и волосы, причем сухие, – держали хорошие книжки...

– Спрашивайте!

– Как вы считаете, есть ли хоть малейшая вероятность, что после того, как мы узнаем друг друга получше, я вам понравлюсь? В смысле – вы можете такое вообразить?

Неважно, что он торопил коней – коварство ли то с его стороны или же неловкость: Рейчел была беззащитна перед его обаянием бета-самца минус харизма, и ответ у нее имелся.

– Ни малейшей, – соврала она.

---

¹² Кормака (Чарльз) Маккарти (р. 1933) – американский писатель, прозаик и драматург, лауреат Пулитцеровской премии. Роман “Кони, кони...” (All the Pretty Horses, 1992, рус. пер. С. Белова) является первой частью т. н. “Трилогии Пограничья” и написан скорее в романтической традиции, нежели по мрачным канонам “южной готики”, с которой автор начинал свое творчество.

– Мне ее не хватает, – сказал Чарли и отвел взгляд от сестры, как будто в кухонной раковине лежало такое, что очень и очень требовало пристального изучения. Плечи его сотряслись от всхлипа, и Джейн подошла и обхватила его руками, а он тяжело осел на колени. – Мне очень ее не хватает.

– Да понятно.

– Ненавижу эту кухню.

– Тут я с тобой, братишка.

Хорошая она сестра – точно хорошая.

– Я вижу эту кухню и вижу ее лицо – и не могу.

– Можешь. Сможешь. Это пройдет.

– Может, мне переехать?

– Делай как знаешь, но боль тоже – путешествует очень запросто. – Джейн помассировала ему плечи и затылок, будто скорбь его была занемевшей мышцей, которую можно размять.

Через несколько минут он вернулся к жизни, начал функционировать – теперь он сидел за стойкой между Софи и Джейн, пил кофе.

– Ты, значит, считаешь, что я это все навоображал?

Джейн вздохнула:

– Чарли, Рейчел была центром твоей вселенной. Это знали все, кто вас, ребята, видел вместе. Твоя жизнь вращалась вокруг нее. Рейчел не стало, и у тебя как будто центр исчез, ничто не держит тебя на земле, ты весь колышешься и качаешься, оттого и какая-то нереальность. Вот только центр у тебя есть.

– Правда?

– Ты сам. У меня на горизонте нет ни Рейчел, ни кого подобного, но я же не иду юзом.

– То есть ты считаешь, что я должен заикнуться на себе, как ты?

– Наверное. Ты думаешь, я от этого стала хуже?

– А тебе не все равно?

– Это верно. Ты продержишься? Мне надо выскочить купить DVD по йоге. С завтрашнего дня занятия.

– Если у тебя занятия, зачем тебе DVD?

– Надо выглядеть так, будто я знаю, что делаю, или никто на меня не клюнет. Ты нормально?

– Нормально. Я просто не могу ни заходить в кухню, ни смотреть ни на что в квартире, ни слушать музыку, ни включать телевизор.

– Тогда порядок, веселись хорошенько. – И Джейн вышла из кухни, по дороге дернув младенца за нос.

Она ушла, а Чарли еще немного посидел за стойкой, глядя на малютку Софи. Странное дело – она одна во всей квартире не напоминала ему о Рейчел. Незнакомка. Она посмотрела на него – этими огромными голубыми глазами – как-то странно, стеклянно. Не с обожанием или изумлением, коих можно было ожидать, а скорее так, будто напилась и теперь сразу уйдет, вот только отыщет ключи от машины.

– Извини, – сказал Чарли, отвращая взгляд к стопке неоплаченных счетов у телефона. Ребенок явно за ним наблюдал, вроде как спрашивая себя, у скольких махровых кукол ей придется отсосать, чтобы вышел приличный папаша, а не такое вот. Но Чарли все равно проверил, надежно ли дочь пристегнута к креслицу, а затем отправился за нестираным бельем – потому что вообще-то намеревался быть очень хорошим папашей.

Из бета-самцов почти всегда получаются хорошие папаши. Они скорее уравновешенны и ответственны, такого парня девчонка (если она уже решила обойтись без семизначного жалованья или умения прыгать в высоту на тридцать шесть дюймов) захочет сделать отцом своего

ребенка. Разумеется, она бы предпочла с ним для этого не спать, но когда вас выкидывают на обочину несколько альфа-самцов, одна эта мысль – вы просыпаетесь в объятиях того, кто будет вас обожать, пускай всего лишь в благодарность за секс, и останется рядом навеки, аж за тем рубежом, когда вы его рядом и терпеть уже не сможете, – даже эта мысль представляется вполне уютным компромиссом.

Поскольку бета-самец, каким бы он ни был, – верен. Из него получается великолепный муж, как и великолепный лучший друг. Он поможет вам переехать и будет приносить вам бульон, если заболете. Всегда чуткий, бета-самец благодарит женщину после секса и часто бывает так же спор на извинения. На него прекрасно можно оставить дом, особенно если вы не особенно привязаны к своим домашним питомцам. Бета-самцу можно доверять: ваша подружка с бета-самцом, как правило, – в надежных руках, если, само собой, она не конченная прошмандовка. (Хотя именно конченные прошмандовки, как показывает история, быть может, и несут ответственность за выживание гена бета-самцов, ибо сколь бы ни был верен бета-самец, он беспомощен пред натиском невоображаемых бюстов.)

Но пусть у бета-самца немалый потенциал стать замечательным мужем и отцом, навыки эти все равно следует осваивать. Посему несколько недель после Чарли мало чем занимался – только сидел дома и заботился о крохотной незнакомке. На самом деле она была пришлицей, некоей кушающе-какающей машиной капризов, и он мало что понимал про ее биологический вид. Но, ухаживая за ней, разговаривая с ней, не спя из-за нее ночами, купая ее, глядя, как она засыпает, и попрекая ее за отвратительные вещества, коими она сочилась и бурлила, он начал влюбляться. Однажды утром, после особенно активной ночи маршировок с кормлением и переодеванием, он проснулся и обнаружил, что она лежит и балдежно пялится на мобилку над своей колыбелью; заметив его, малютка улыбнулась. Это все и решило. Как прежде ее мама, она проложила жизненный курс Чарли всего одной улыбкой. И, как и с Рейчел в то промозглое утро в книжном, душа его осветилась. Причудливость, зловещие обстоятельства смерти Рейчел, красное свечение предметов в лавке, темная крылатая дрянь над крышами – все это переселось на заднее сиденье, подальше от нового света его жизни.

Он не понимал, что она любит его безусловно, и потому, вставая среди ночи ее покормить, надевал рубашку, причесывался и проверял, не дурно ли пахнет изо рта. И в следующую же минуту после того, как его оглоушило нежностью к дочери, в нем зародился глубинный страх за ее безопасность, который через несколько дней расцвел целым садом паранойи.

– Тут какой-то мир “Нёрфа”¹³, – заметила Джейн, принеся из лавки счета и чеки на подпись Чарли. Все острые углы квартиры тот оклеил пенорезиной, укрепив ее монтажной лентой, на все розетки поставил пластиковые заглушки, на все ящики повесил замки с защитой от детей, установил новые датчики дыма, угарного газа и радона и активировал в телевизоре микросхему родительского контроля, отчего сам теперь был вынужден смотреть лишь маленьких зверюшек или уроки азбуки.

– Несчастные случаи – причина детской смертности номер один в Америке, – сообщил Чарли.

– Но она еще даже не научилась переворачиваться на животик.

– Хочу быть готов. Я много читал, и везде говорится, что сегодня ты их кормишь грудью, на завтра просыпаешься – а их уже выгоняют из колледжа. – Он менял подгузник на кофейном столике: израсходовал целых десять подтирок, если Джейн не сбилась со счета.

– Сдается мне, это метафора. Знаешь, того, как быстро они растут.

– Ну все равно, поползет – и кирдык.

---

¹³ “Нёрф” – фирменное название мягких и легких игрушек из поропласта; выпускаются с конца 1960-х гг.

– А чего б тогда не сделать ей большой костюм из пенорезины – всяко проще, чем весь мир обивать. Чарли, тут страшно. Сюда ведь и женщину не приведешь – она решит, что ты чокнутый.

Чарли смотрел на сестру долгую секунду, ничего не говоря, – просто замер с одноразовым подгузником. Ножки дочери остались скрещены у него в пальцах.

– В смысле – когда будешь готов, – поправилась Джейн. – То есть, я же не говорю, что ты непременно должен привести сюда женщину.

– Это хорошо, потому что я и не собираюсь.

– Нет, конечно. Я и не говорила. Но тебе надо выходить из квартиры. Во-первых, тебя ждет лавка. Рей превратил кассовый компьютер в службу знакомств, а школьная инспекторша уже заглядывала три раза – искала Лили. И я не могу вести там учет и всем управлять, Чарли, да еще и на работу ходить. Папа оставил тебе дело не просто так.

– Но за Софи некому присматривать.

– У тебя в этом же доме живут миссис Корьева и миссис Лин, пусть кто-нибудь из них присмотрит. Черт, да я сама буду с ней сидеть несколько часов вечером, если это поможет.

– Вечером я спускаться не буду. По вечерам там все радиоактивное.

Джейн шмякнула пачку бумаг на кофейный столик рядом с головкой Софи и, отступив на шаг, скрестила руки на груди.

– Воспроизведи в голове то, что ты сейчас сказал, будь добр.

Чарли воспроизвел, затем пожал плечами.

– Согласен, похоже, будто я спятил.

– Появись в лавке, Чарли. Всего на несколько минут – воду попробовать, приструнишь Лили и Рея, хорошо? А я ее допоменяю.

Джейн втиснулась между тахтой и кофейным столиком, вытеснив брата с дороги. По пути она смахнула грязный подгузник на пол, где тот и раскрылся.

– О боже мой! – Джейн затошнило, и она резко отвернулась.

– Еще одна причина не есть черную горчицу, правда? – сказал Чарли.

– Вот сволочь!

Брат попятился.

– Ладно, я пошел. Ты точно справишься?

– Иди! – Джейн услала его мановеньем одной руки – другой она зажимала нос.

5. Тьма нагличает

– Эй, Рей! – сказал Чарли, сходя по лестнице на склад. На ступеньках он всегда старался шуметь как можно больше и обычно выпаливал громкое и заблаговременное “эгей”, дабы предупредить работников, что он идет. Сам он успел сменить несколько мест, прежде чем занялся семейным бизнесом, и по опыту знал: крадучее начальство никто не любит.

– Эй, Чарли, – ответил Рей. Он прикрывал позиции – сидел на табурете за стойкой. Сильно под сорок, высокий, лысоватый; по миру он перемещался, не поворачивая головы. Не мог. Шестью годами ранее, служа в полиции Сан-Франциско, Рей шеей поймал пулю группового насильника – тогда-то и сумел в последний раз оглянуться через плечо без зеркала. Жил он на – щедрую городскую пенсию по нетрудоспособности, а на Чарли работал в обмен на бесплатное проживание в квартире на четвертом этаже; таким образом их финансовые отношения не попадали ни в какие бухгалтерские книги.

Он развернулся на табурете лицом к Чарли.

– Эй... э-э... мне хотелось сказать, это, насчет твоей ситуации. В смысле, утраты. Рейчел всем нравилась. Это... если я могу чем-то...

После похорон Чарли видел Рея впервые и неловкости вторичных соболезнований еще не преодолел.

– И так тебе спасибо, что взял на себя мои смены. Над чем трудишься? – Чарли отчаянно пытался не глазеть по сторонам на всяческие предметы, пылавшие вокруг тускло-красным.

– А, это. – Рей развернулся и отъехал от стола, чтобы Чарли увидел монитор, с которого лыбились ряды азиатских девиц. – Называется Отчаявшиеся-Филиппины-точка-ком.

– Это здесь ты познакомился с мисс ДавноТебяЛюблю?

– Ее не так зовут. Лили наболтала? У этой малявки проблемы.

– Ну, это ж малявки, сам знаешь, – сказал Чарли, вдруг заметив у входа почтенную даму в твиде – она разглядывала горку с антиквариатом. В руках у дамы была фарфоровая лягушка, пылавшая тускло-красным.

Рей кликнул по одной фотографии – открылась личная информация.

– Ты погляди на эту, босс. Говорит, тащится от гребли шестерками. – Он снова крутнулся на табурете и поиграл бровями.

Чарли отвлекся от дамы с пылающей лягушкой и посмотрел в монитор.

– Это вид спорта, Рей.

– Ни фига. Смотри, тут говорится, что в колледже она была кормчей. – Рей снова поиграл бровями и предложил Чарли пятерню для хлопка.

– И это в гребле есть, – ответил тот, ни на гран не – просветив экс-полицейского. – Это такой человек в – лодке, который сидит на корме и орет, куда грести.

– Правда? – разочарованно протянул Рей. Женат он был три раза, и все три жены слиняли из-за его неспособности выработать взрослые навыки общения. Рей откликался на окружающий мир с полицейской кочки, и, хотя многих женщин такой отклик поначалу привлекал, все рассчитывали, что рано или поздно это свое мировоззрение он, приходя домой, станет вешать в чулан, как табельное оружие. А он не вешал. Когда Рей вышел на работу в “Ашеровское старье”, Чарли потратил два месяца на то, чтобы отучить его покрикивать на покупателей: “Проходим, проходим, нечего тут разглядывать”. Очень много времени Рей проводил в разочаровании от самого себя и рода человеческого в целом.

– Но, старина, – это же гребля! – сказал Чарли, чтобы хоть как-то его приободрить. Несмотря на свою – неуклюжесть, экс-полицейский ему нравился. По сути Рей был парень хороший, добрый и верный, трудолюбивый и пунктуальный; а самое главное – лысел он быстрее Чарли.

Рей вздохнул:

– Может, другой сайт поискать? Как называется слово, когда у тебя требования еще ниже, чем у “отчаявшейся”?

Чарли немного почитал на открытой странице.

– У этой женщины магистерская степень по английской литературе в Кембридже, Рей. И посмотри только на нее. Она же роскошная. И ей девятнадцать лет. Чего ей отчаиваться?

– Эй, погоди-ка. Магистерская степень в девятнадцать – да эта девка для меня слишком умная.

– Нет, не умная. Она врет.

Рей развернулся на табурете к Чарли так резко, словно его ткнули в ухо карандашом:

– Не может быть!

– Рей, посмотри на нее. Она выглядит как азиатские модели для “Кальмарных Угощений с Кислым Яблоком”.

– У них есть и такое?

Чарли показал куда-то в витрину слева.

– Рей, позволь представить тебе Китайский квартал. Китайский квартал, это Рей. Рей, Китайский квартал.

Экс-полицейский смущенно улыбнулся. В двух кварталах выше по улице располагался магазин, где торговали одними сушеными деталями акул: в витринах красовались портреты ослепительных китаянок с акульими селезенками и глазами в руках. Модели улыбались так, словно им только что вручили награду Киноакадемии.

– У последней, с кем я тут познакомился, в личных данных и впрямь было несколько ошибок и упущений.

– Например? – Чарли наблюдал за твидовой дамой с пылающей лягушкой. Дама приблизилась к кассе.

– Она, в общем, сказала, что ей двадцать три, пять футов ростом и весом сто пять фунтов, и я подумал: “Ладно, с изященькой можно развлечься”. А оказалось – сто пять кило.

– Так ты не этого, что ли, ожидал? – уточнил Чарли. Дама приблизилась, и он улыбнулся, ощущая, как внутри нарастает паника. Она собиралась купить лягушку!

– Пять футов – и двести тридцать фунтов. Она же – сложена как почтовый ящик. Ну, это я, может, и пережил бы, но ей оказалось не двадцать три – ей шестьдесят три. Ее мне пытался продать кто-то из внуков.

– Прошу прощения, это не продается, – сказал Чарли даме.

– Так выражаются, это правда, – продолжал Рей, – но ведь не бывает людей, которые бы кому-нибудь продавали свою бабушку.

– Почему это? – спросила дама.

– Пятьдесят дубов, – сказал Рей.

– Неслыханно, – произнесла дама. – На ней же написано – десять.

– Нет, полтинник за ту бабушку, с которой встречается Рей, – поправил Чарли. – А лягушка не продается, мэм, простите. Она дефектная.

– Тогда почему она у вас на полке? Почему на ней ценник? Я не вижу в ней никаких дефектов.

Очевидно, она и впрямь не видела, что дурацкая фарфоровая лягушка в руках у нее не только светилась – она принялась пульсировать. Чарли дотянулся через стойку и выхватил лягушку из рук дамы.

– Она радиоактивная, мэм. Извините. Ее нельзя купить.

– Я с ней не встречался, – сказал Рей. – Я просто полетел на Филиппины, чтобы с нею познакомиться.

– Никакая она не радиоактивная, – сказала дама. – Вы пытаетесь задрать цену. Прекрасно, даю вам за нее двадцать.

– Никак нельзя, мэм, опасно для общества, – произнес Чарли, стараясь напустить на себя озабоченность и прижимая статуэтку к груди так, словно защищал покупательницу от лягушкиной смертоносной энергии. – К тому же она откровенно нелепа. Как вы можете отметить, на банджо у этой лягушки всего две струны. Это же издевательство. Давайте мой коллега покажет вам наших мартышек с цимбалами. Рей, будь добр, покажи девушке, пожалуйста, мартышек. – Чарли понадеялся, что “девушка” завоюет ему лишние очки.

Дама попятилась от стойки, прикрываясь сумочкой, как щитом.

– По-моему, я вообще ничего у вас покупать не хочу, извращенцы.

– Эй! – возмутился Рей таким тоном, будто на посту здесь был один извращенец, и при этом – не он.

И тогда она это сделала – спорым квикстепом шагнула к полке с обувью и подхватила с нее пару красных “всезвездных «конверсов»” двенадцатого размера¹⁴. Они тоже пылали.

– Тогда мне это.

– Нет. – Чарли швырнул лягушку через плечо Рею, который едва успел ее поймать, чуть при этом не уронив. – Эти тоже не продаются.

Твидовая дама попятилась к двери, пряча кроссовки за спиной. Чарли двинулся на нее по проходу, норовя схватить “конверсы”.

– Отдайте.

Едва толкнувшись попой в дверь, дама вскинула голову – зазвенел колокольчик на прилолке, – и Чарли сделал свой ход – резкий обманный маневр влево, кинулся вправо, дотянулся ей за спину и цапнул кроссовки за шнурки, равно захватив и полную горсть твидовой задницы в придачу. Протанцевал обратно к стойке, швырнул кроссовки Рею, затем развернулся к твидовой, бросая ей вызов, как борец сумо.

Та же по-прежнему стояла в дверях, явно не понимая, в ужасе она или же ей отвратительно.

– Вас всех здесь нужно пересажать. Я сообщу о вас в Бюро по улучшению бизнеса и в местную торговую – ассоциацию. И вы, мистер Ашер, можете передать мисс Северо, что я еще вернусь. – С этими словами она вылетела за дверь и пропала.

Чарли повернулся к Рею.

– Мисс Северо? Лили? Она приходила к Лили?

– Школьный инспектор, – ответил тот. – Заходила пару раз.

– Мог бы предупредить.

– Не хотел терять клиента.

– Так Лили...

– Выскакивает черным ходом, когда ее видит. Еще ей хотелось проверить у тебя, что все записки насчет прогулов Лили не тупта. Я за тебя поручился.

– Все, Лили возвращается в школу, а я выхожу на работу.

– Здорово. Сегодня звонок был – наследство на Тихоокеанских высотах. Много хорошей женской одежды. – Рей постукал листиком бумаги по стойке. – Я для такого не очень квалифицирован.

– Я займусь, только сначала нам нужно многое навестать. Переверни, будь добр, табличку “Закрето” и запри дверь, а?

Рей не пошевелился.

– Ну да, только... Чарли, ты уверен, что готов вернуться на работу? – И он повел подбодком на лягушку и кроссовки.

---

¹⁴ Примерно соответствует размеру 44,5.

– А, это. Мне кажется, с ними что-то не так. Ничего странного не замечаешь?

Рей присмотрелся.

– Не-а.

– Или вот: когда я отнял у нее лягушку, она сразу кинулась к кроссовкам явно не своего размера?

Рей взвесил истину против славной сделки, которая у него тут сложилась: бесплатная квартира, “черный” доход и начальство, которое по сути своей было приличным парнем, пока не случилось 51/50¹⁵, – и сказал:

– Да-а, что-то в ней было не то.

– Ага! – сказал Чарли. – Вот бы еще где-нибудь раздобыть счетчик Гейгера.

– У меня есть, – ответил Рей.

– Правда?

– Ну да. Сбегать?

– Потом, – сказал Чарли. – Только запри дверь и помоги мне тут кое-что собрать.

Еще час Рей наблюдал, как Чарли перемещает явно случайный набор предметов из лавки на склад, по ходу внушая Рею, что никогда, ни при каких обстоятельствах не следует выставлять это и кому бы то ни было продавать. Затем Рей принес счетчик Гейгера, по дружбе выменянный на огромную теннисную ракетку без струн, и проверил всю кучу, собранную Чарли. – Предметы, разумеется, оказались инертны, как грязь под ногами.

– И ты не видишь никакого сияния, никакой пульсации в этой куче? – спросил Чарли.

– Извини. – Рей покачал головой, несколько смущаясь от того, что приходится такое наблюдать. – Но все равно хорошо, что ты на работу вышел, – добавил он, стараясь приободрить босса. – Может, и хватит на сегодня? Сходи проверь малышку, а утром позвонишь – насчет этого наследства. Я все тут сложу и надпишу, чтоб Лили не продавала и не меняла ни на что.

– Хорошо, – ответил Чарли. – Но и не выбрасывай. Я с этим еще разберусь.

– Ну, босс, еще бы. До завтра.

– Ага, спасибо, Рей. Когда закончишь, можешь идти домой.

Чарли вернулся в квартиру, всю дорогу наверх поглядывая на руки – не осталось ли красного сияния от кучи, но все казалось в норме. Он услал домой Джейн, выкупал Софи и на сон грядущий почитал ей несколько страниц из “Бойни номер пять”¹⁶, после чего сам лег пораньше и спал урывками. Наутро очнулся в некоем тумане и сразу же подскочил на кровати – распахнув глаза и колотясь сердцем: на тумбочке лежала записка. Еще одна. Потом он заметил, что на сей раз почерк не его, а номер, очевидно, телефонный, и вздохнул. Это встреча, которую ему назначил Рей. Чарли сам положил записку на тумбочку, чтобы не забыть. “М-р Майкл Мэй-нхарт, – гласила записка; и ниже: – Высококачественная женская одежда и меха”. Последнее слово два раза подчеркнуто. Номер – местный. Чарли взял листок, под ним обнаружилась еще одна страничка из блокнота, имя на ней было то же самое, теперь уже почерком самого Чарли, а под ним – цифра 5. Он не помнил, чтобы писал такое. Тут у окна его спальни на втором этаже проскользило что-то крупное и темное, но, когда Чарли посмотрел в окно, это что-то уже пропало.

На Заливе лежало одеяло тумана, и с Тихоокеанских – высот огромные оранжевые башни моста Золотые Ворота торчали из туманного сугроба, как морковки из – физиономий уснув-

---

¹⁵ 51/50 – код в радиопереговорах американской полиции, означающий буйнопомешанного, представляющего угрозу для общества.

¹⁶ “Бойня номер пять, или Крестовый поход детей” (Slaughterhouse-Five, or The Children’s Crusade: A Duty-Dance with Death, 1969) – роман американского писателя Курта Воннегута-мл. (1922–2007) о бомбардировке Дрездена союзниками во время Второй мировой войны.

ших снеговиков-двойняшек. На Высотах же утреннее солнце уже расчистило небеса и повсюду гоношились работники – прибирали дворы и сады вокруг особняков.

Приехав к Майклу Мэйнхарту, Чарли первым делом обратил внимание, что на него никто не обратил внимания. Во дворе работали двое парней, Чарли помахал им на ходу, но те в ответ махать не стали. Затем почтальон, спускавшийся с обширного крыльца, согнал его с дорожки на росистую траву, даже не попросив прощения.

– Прошу прощения! – саркастически сказал ему Чарли, однако почтальон был в наушниках и слушал нечто такое, что вдохновляло его трясти башкой, как голубя, клюющего амфетамины, посему он скакал себе – дальше. Чарли собирался крикнуть ему вслед что-нибудь насмерть умное, но передумал: хотя о почтовом служащем, устроившем кровавую баню, он слышал много лет назад¹⁷, коль скоро выражение “дойти до почты” относилось к чему угодно и помимо выбора средства пересылки сообщений, ему казалось, что судьбу лучше не испытывать.

Вчера совершенно посторонняя дама назвала его “извращенцем”, сегодня спихнул с дорожки гражданский служащий... Город все больше напоминает джунгли.

Чарли нажал на кнопку звонка и отступил вбок от двенадцатифутовой двери с витражом в свинцовом переплете. Минуту спустя до него донеслось легкое шарканье и за стеклами показался миниатюрный силуэт. Дверь медленно распахнулась.

– Мистер Ашер, – произнес Майкл Мэйнхарт. – Спасибо, что пришли.

Старичок утопал в костюме в “гусиную лапку”, который, должно быть, купил лет тридцать назад, – будучи покорпуплентнее. Когда он жал Чарли руку, на ощупь стариковская кожа напоминала старую бумажку от китайского пельменя – остывшую и чуть присыпанную мукой. Чарли постарался не вздрогнуть, когда старик завел его в величественную круглую залу, облицованную мрамором, где витражи доходили до потолка в сорока футах над головой, а плавная лестница вздымалась до площадки, уводившей к верхним крыльям дома. Чарли, бывало, задавался вопросом, каково это – жить в доме с крыльями. Как тут искать ключи от машины?

– Сюда, пожалуйста, – произнес Мэйнхарт. – Я покажу, где моя супруга держала одежду.

– Соболезную вашей утрате, – машинально сказал Чарли. Он уже десятки раз ездил в особняки усопших. “Ты же не стервятник, – говаривал его отец. – Всегда хвали товар; может, тебе он покажется барахлом, а для хозяина в нем – вся душа. Хвали, но не желай. Можно и выгоду получить, и по пути не уронить ничьего достоинства”. – Срань господня, – вымолвил Чарли, заходя вслед за стариком в чулан размерами со всю его квартиру. – То есть... у вашей супруги был изысканный вкус, мистер Мэйнхарт.

Перед ним простирались ряды дизайнерской одежды от-кутю – всё, от вечерних платьев до вешалок в два этажа с трикотажными костюмами, распределенными по цвету и уровню официальности; пышная радуга шелков, льна и шерсти. Кашемировые свитера, пальто, накидки, жакеты, юбки, блузы, белье. Чулан был устроен в форме буквы Т, в центре – большой туалетный столик с зеркалом, а в крыльях (даже чулан тут с крыльями!) – аксессуары: туфли с одной стороны, ремни, шарфы и сумочки – с другой. Целое крыло туфель – итальянских и французских, ручной работы, из шкур тех животных, что раньше жили счастливо и без пятен на коже и репутации. По бокам туалетного столика размещались зеркала в полный рост, и Чарли поймал в них отражение себя и Майкла Мэйнхарта: он сам – в подержанном сером костюме в тонкую полоску, Мэйнхарт – в своей “гусиной лапке” не по размеру, этюд в черно-серых тонах, в сем цветущем саду нагой и безжизненный.

Старик подошел к креслу у столика и сел, скрипнув и засопев.

¹⁷ Имеется в виду самый громкий случай массового убийства, совершенного работником почты США Патриком Хенри Шерриллом 20 августа 1986 г. в Эдмонтоне, Оклахома, когда он застрелил 14 сослуживцев, после чего застрелился сам. Пик подобных “почтовых расстрелов” пришелся на 1986–1997 гг.; в 20 таких инцидентах погибло более 40 человек. Считается, что именно они вызвали к жизни выражение to go postal.

– Полагаю, вам на оценку потребуется время, – сказал он.

Чарли стоял посреди чулана, озирался еще секунду и лишь потом ответил:

– Это зависит, мистер Мэйнхарт, от того, с чем вы желаете расстаться.

– Со всем. До последней нитки. Самого духа ее я здесь не вынесу. – Голос его прервался. – Хочу, чтобы ничего не было. – Он отвернулся от Чарли к обувному крылу, стараясь не показывать, что готов сорваться.

– Понимаю, – сказал Чарли, не понимая. Что тут еще сказать? Эта коллекция была совершенно не про него.

– Ничего вы не понимаете, молодой человек. Вы не можете понять. Эмили была всей моей жизнью. Я вставал по утрам ради нее. Ходил ради нее на работу, создал для нее бизнес. По вечерам мчался домой, чтобы рассказать ей, как прошел день. Ложился с ней спать и видел о ней сны. Она была моей страстью, моей женой, моим лучшим другом, любовью всей моей жизни. И вдруг однажды ее не стало, и вся жизнь моя сразу отменилась. Как вам такое возможно понять?

Но Чарли понимал.

– У вас есть дети, мистер Мэйнхарт?

– Два сына. Приехали на похороны и опять разъехались по домам, к своим семьям. Предложили сделать все, что смогут, но...

– Ничего не смогут, – сказал Чарли. – Никто не может.

Теперь старик поднял на него взгляд – лицо его обратилось в утрату и пустыню, как морда мумифицированного бассета.

– Я просто хочу умереть.

– Не говорите так, – сказал Чарли, потому что говорить так принято. – Это у вас пройдет. – Сказано это было потому, что ему самому все так говорили. И теперь Чарли явно бросился чепуховыми штампами.

– Она была... – Голос Мэйнхарта зацепился за острый край всхлипа. Сильный человек, как-то вдруг оборенный своей скорбью, стыдился ее показать.

– Понимаю, – сказал Чарли, думая о том, что Рейчел по-прежнему жива у него в сердце: когда он оборачивается в кухне что-нибудь ей сказать, а ее нет, у него спирает дыхание.

– Она была...

– Понимаю, – снова перебил его Чарли, стараясь облегчить старику жизнь, ибо знал, каково тому сейчас. Она была смыслом, порядком и светом, а теперь ее нет, и темной свинцовой тучей меня давит хаос...

– Она была просто феноменальной душой.

– Что? – Чарли так быстро повернул голову, что услышал, как в шее щелкнул позвонок.

Не ожидал.

– Эта тупица нажралась кремнегеля, – выговорил Мэйнхарт. С мукой и раздражением.

– Чего? – Чарли замотал головой, словно стараясь в ней что-то растрясти и оторвать.

– Кремнегеля.

– Чего?

– Кремнегеля! Кремнегеля! Кремнегеля, пень!

В ответ Чарли вдруг захотелось проорать некое жуткое потустороннее заклинание: “Так это Крамнэгел! Крамнэгел! Крамнэгел, засеря!”¹⁸ Но вместо этого он спросил:

– То, из чего делают фальшивую грудь? Она этого – наелась? – По долям его головного мозга запинаящимся призраком заметался образ пожилой дамы, обжирющейся вязкой пако-стью из искусственных сисек.

---

¹⁸ Krumnagel (1990) – роман британского актера, драматурга, режиссера и писателя Питера Александера Устинова (1921–2004).

Мэйнхарт оперся о туалетный столик и поднялся.

– Нет, пакетиков такой дряни – их суют в упаковки электроники и фотоаппаратов.

– Дрянь, на которой говорится “Не Употреблять В Пищу”?

– Именно.

– Но там же прямо на пакетики написано – и она это употребила?

– Да. Меховщик положил их ей в шубы, когда устанавливал этот шкаф. – Старик показал какой.

Чарли обернулся: у огромной двери чулана стоял – освещенный стеклянный шкаф, и внутри висело с десятков меховых шуб. Вероятно, в шкафу имелся свой – кондиционер, чтобы контролировать влажность, но Чарли не на это обратил внимание. Даже в тусклом флуоресцентном свете шкафа одна шубка совершенно явно тлела и пульсировала красным. Чарли посмотрел на Мэйнхарта, стараясь не выдать себя, – хотя вообще не понимал, чего именно в себе выдавать не должен, – поэтому заговорил спокойно, однако пудру с мозгов при этом сдул.

– Мистер Мэйнхарт, я соболезную вашему горю, но обо всем ли вы мне рассказываете?

– Простите, но я не понимаю.

– Я вот о чем, – ответил Чарли. – Почему вы решили обратиться именно ко мне из всех торговцев подержанной одеждой в Районе Залива? Есть люди, гораздо более квалифицированные для работы с коллекциями такого размера и качества. – Чарли метнулся к шкафу с шубами и дернул дверцу. Она мягко фукнула в ответ, тупфта, как герметизированная дверь холодильника. Чарли схватил рдевшую шубку – похоже, лисью. – Или дело вот в этом? Вы позвонили из-за вот этого? – Чарли воздел шубу, словно орудие убийства перед обвиняемым. “Говоря короче, – хотел было продолжить он, – и вы желаете смерти мне и моему мозгу?”

– Вы первый в справочнике торговец подержанной одеждой.

Шубка выпала у Чарли из рук.

– “Ашеровское старье”?

– Начинается на “А”, – пояснил Мэйнхарт – медленно, тщательно, стараясь, очевидно, не поддаваться порыву снова обозвать Чарли пнем.

– Значит, шубка тут ни при чем?

– Отчасти при чем. Мне бы хотелось, чтобы вы ее забрали со всем остальным.

– А, – сказал Чарли, пытаясь прийти в себя. – Мистер Мэйнхарт, я ценю ваш звонок, и коллекция у вас действительно прекрасная, вообще даже поразительная, но я не готов принимать такой ассортимент. И буду с вами честен, хоть мой отец и перевернется в гробу от того, что я вам такое говорю: в этом чулане одежды – быть может, на миллион долларов. А то и больше. Если учесть то время и то место, которое займет ее перепродажа, стоит она, вероятно, где-то четверть этой суммы. У меня просто нет таких денег.

– Мы сумеем что-нибудь придумать, – ответил Мэйнхарт. – Чтобы вы просто вывезли ее из дома...

– Наверное, я мог бы взять часть под реализацию...

– Пятьсот долларов.

– Что?

– Давайте мне пятьсот долларов, вывозите до завтра – и все это ваше.

Чарли начал было возражать, но тут нутром ощутил, как отцовский призрак восстает из гроба, чтобы тяпнуть его по башке плевательницей, если он немедленно не прекратит. “Мы предоставляем важную услугу, сын. Мы – сиротский приют искусству и ремеслам, потому что согласны заниматься нежеланным, – мы придаем ему цену”.

– Я не могу так поступить, мистер Мэйнхарт, я как будто пользуюсь вашим горем.

“Ох, ёшкин дрын, какой же ты, блядь, рохля, – ты мне не сын. Нет у меня сына”. Что это – призрак отца потрясает цепями у Чарли в голове? Почему тогда у него словарный запас и голос как у Лили? Бывает ли совесть алчной?

– Вы окажете мне услугу, мистер Ашер. – Огромную – услугу. Если не возьмете вы, я тут же позвоню в “Гудуилл”¹⁹. Я обещал Эмили, если что-нибудь с ней случится, ее вещи не просто так раздать. Прошу вас.

И в стариковском голосе звучало столько боли, что Чарли пришлось отвести взгляд. Чарли ему сочувствовал, потому что понимал. Не мог ничем помочь, не мог сказать: “Это пройдет”, как все твердили ему. Оно не проходило. Становилось как-то иначе, но ничем не лучше. А у этого деда по сравнению с Чарли есть лишние полвека, в которые умещаются надежды, хотя для старика надежды эти – уже история.

– Давайте я подумаю. Проверю свои складские мощности. Если буду справляться, позвоню вам завтра, – вас устроит?

– Буду вам благодарен, – ответил Мэйнхарт.

И тут ни с того ни с сего Чарли сказал:

– Можно мне взять эту шубку с собой? Как образец качества коллекции – на тот случай, если придется ее делить с другими торговцами.

– Не возражаю. Позвольте, я вас провожу.

Когда они вышли в круглую залу, тремя – этажами выше за свинцовыми переплетами промелькнула какая-то тень. Крупная. Чарли помедлил на ступеньках и глянул, заметил ли старик, но тот ковылял вниз, изо всех сил цепляясь за перила. У дверей повернулся к Чарли и протянул руку:

– Простите меня за эту... вспышку наверху. Я сам не свой с тех пор, как...

Едва старик начал приоткрывать дверь, на крыльцо рухнула какая-то фигура, отбросив на стекла птичью тень ростом с человека.

– Нет! – Чарли метнулся вперед, оттолкнув старика, и захлопнул дверь, прищемив громадной птице клюв – черный и массивный, он уже просунулся внутрь и защелкал, как садовые ножницы, отчего сотряслась, разметав по мраморному полу содержимое, стойка для зонтиков. Лицо Чарли оказалось в какой-то паре дюймов от птичьего глаза, и торговец навалился на дверь плечом, чтобы клюв не отхватил ему руку. Птичьи когти заскрежетали по стеклу – тварь пыталась освободиться; одна толстая фасетированная панель треснула.

Чарли уперся в косяк бедром, затем сполз по нему, выронил лисью шубку и подхватил с пола зонтик. Им принялся тыкать птице куда-то в перья на шее – но выпустил косяк; один черный коготь змеей вполз в щель и дерябнул Чарли по предплечью, разодрав рукава пиджака и рубашки и саму кожу. Чарли всадил зонтик изо всех сил, и птичья голова рывком исчезла в щели.

Ворон пронзительно захрипел и взлетел – крылья взметнули ветер. Чарли валялся на полу, переводя дух, и смотрел на панели витража так, словно в любой миг тень гиганта могла возвратиться, затем перевел взгляд на Майкла Мэйнхарта, лежавшего на боку, съежившись, как марионетка без нитей. У головы его Чарли уви-дел трость с резной рукоятью – белый медведь слоновой кости. Трость упала со стойки для зонтиков. Она рдела. Старик не дышал.

– Да, вот херня-то, – произнес Чарли.

---

¹⁹ Goodwill Industries International (с 1902) – неправительственная некоммерческая благотворительная организация, одна из статей дохода которой – продажа пожертвованных бытовых приборов и одежды.

6. Герои с переменной скоростью

В переулке за “Ашеровским старьем” Император Сан-Франциско кормил фокачкой с оливками свою гвардию и старался уберечь собственный завтрак от собачьих соплей.

– Терпение, Фуфел, – говорил Император бостонскому терьеру, который кидался на вчерашний хлебный блин как мохнатый и крайне прыгучий “Супер-Мяч”, пока Лазарь – серьезный и мрачный золотистый ретривер – стоял рядом и дожидался своей доли²⁰. Фуфел в ответ нетерпеливо фыркнул (отсюда и собачьи – сопля). В нем разгорелся неистовый аппетит, ибо – завтрак – сегодня – запаздывал. Император ночевал на скамье у Морского музея, и среди ночи его артритное колено выпросталось из-под шерстяного пальто на влажный холод, отчего прогулка на Северный пляж к итальянской пекарне, выдававшей им вчерашнее бесплатно, превратилась в медленное и тяжелое испытание.

Император захрапел и сел на пустой молочный ящик. То был не человек, а эдакий покаты медведь – плечи широкие, но отчасти сломленные бременем всего города. Седая путаница волос и бороды обрамляла лицо грозовой тучей. Насколько Императору помнилось, они с гвардией патрулировали городские улицы вечно, однако при дальнейшем рассмотрении – может, всего-навсего со среды. Тут он несколько сомневался.

Он решил обратиться к гвардии с декларацией о важности сострадания перед лицом нарастающего прилива гнусной злобучести и политической хорьковости в близлежащем королевстве Соединенных Штатов. (Он уже давно понял, что аудитория внимала лучше всего, если в погребках карманов его пальто еще таилась сдобренная мясом фокачка; ныне же в шерстяных глубинах благоухали пепперони и пармезан, поэтому королевские гончие были просто зачарованы.) Но, едва он прочистил горло, из-за угла, визжа тормозами, вылетел фургон, встал на два колеса, врубившись в шеренгу мусорных баков, и замер в какой-то полусотне шагов. Водительская дверца распахнулась, и наружу выпрыгнул худенький человек в костюме; в руках он держал трость и женскую меховую шубку. Человек ринулся напрямик к черному ходу в лавку Ашера. Но не успел сделать и двух шагов, как упал на бетон, словно его шарахнули чем-то сзади, перекатился на спину и принялся отбиваться тростью и шубкой от воздуха. Император, знакомый в городе почти со всеми, признал в человеке Чарли Ашера.

Фуфел зашелся в приступе тьяканья, а более уравновешенный Лазарь рыкнул лишь раз и припустил к Чарли.

– Лазарь! – крикнул Император, но ретривер рвался вперед; теперь за ним последовал и его лупоглазый брат по оружию.

Чарли уже вскочил на ноги и размахивал тростью так, словно фехтовал с привидением, а щитом ему служила женская шубка. Император жил на улице, а потому не раз видел, как люди сражаются с невидимыми демонами, но Чарли Ашер, что и говорить, набирал очки. Трость его шмякала обо что-то – вроде как воздух, но в нем было нечто: какая-то тень, что ли?

Император воздвигся на ноги и захромал к потасовке, но не успел сделать и пары шагов, как Лазарь подпрыгнул и кинулся, казалось бы, на Чарли, однако взмыл над старьевщиком и тяпнул зубами у него над головой; после чего повис там, сомкнув челюсти на основательном шмате невидимой шеи.

---

²⁰ Образ Императора в романах Кристофера Мура основан на исторической фигуре городского эксцентрика Джошуа Эйбрахэма Нортон (1818–1880) – англичанина, поселившегося в Сан-Франциско и присвоившего себе в 1859 году титул Его Императорского Величества императора Соединенных Штатов Нортон I и Протектора Мексики (с 1863). В начале 1860-х годов его часто видели в обществе двух бродячих собак-крысоловов (Bummer и Lazarus), которые тоже стали городскими персонажами и были не раз увековечены в газетных очерках и карикатурах. Лазарь погиб в октябре 1863 г., Фуфел – в ноябре 1865-го.

Чарли воспользовался отвлекающим маневром – шагнул назад, размахнулся и шарахнул тростью куда-то над левитирующим золотистым ретривером. Раздался шмяк, и Лазарь разжал челюсти, но теперь на невидимого противника бросился Фуфел. Какова бы ни была его цель, он промазал и собачьим накатом со свистом вцепился прямо в мусорный бак.

Чарли снова кинулся к стальной двери черного хода, но та оказалась заперта; он потянулся за ключами, и тут что-то поймало его сзади.

– Отдай, пиздюк, – завизжала тень.

Женскую шубку, похоже, вырвали из рук Чарли, и она взмыла в воздух – вверх, за четырехэтажный дом и прочь с глаз.

Чарли развернулся с тростью наизготовку, но что бы там ни было раньше, теперь оно, судя по всему, исчезло.

– Ты же сидеть над дверью должен, орать “никогда” и прочую поэзию²¹, нет?! – заорал он небесам. И добавил для полноты картины: – Мудило злобное!

Лазарь гавкнул, потом заскулил. Из мусорного бака с Фуфелом донеслось залиvistое металлическое тьяканье.

– Да, такое не всякий день узришь, – произнес Император, хромая к Чарли.

– А вы видели?

– Вообще-то не очень. Только тень, но точно что-то было. Там же было что-то, правда?

Чарли кивнул, пытаясь отдышаться:

– Оно вернется. Оно летело за мной через весь город. – Он порылся в кармане. – Вам бы всем лучше нырнуть со мной в лавку, Ваше Величество. – Чарли, само собой, знал Императора. В Сан-Франциско Императора знали все.

Император улыбнулся:

– Любезно с твоей стороны, однако мы здесь в полнейшей безопасности. Ныне же мне потребно освободить подданного из сего гальванизированного узилища. – Старик наклонил мусорный бак, и Фуфел явился оттуда, фыркая и трясая головой, словно готов был оторвать задницу любому человеку или зверю, коему бы хватило безрассудства встретиться с ним на узкой тропинке (и оторвал бы – при условии, что человек или зверь ростом оказался по колено или ниже).

А у Чарли с ключом по-прежнему не ладилось. Он давно знал, что замок надо менять, но тот вроде работал, если его немножко подрочить, стало быть, приоритетом смена замка так и не стала. Ну кому, блин, взбредет в голову, что однажды придется быстро убежать от гигантской птицы? Тут он услышал хриплый визг, обернулся... Уже не один, а два громадных ворона, обмахнув крышу, пикировали в переулок. Собаки выпустили по крылатым интервентам залп неистового лая, и Чарли вложил столько языка тела в ерзанье ключом в замке, что почувствовал, как в бедре надорвалась атрофированная танцевальная мышца.

– Они вернулись. Прикройте меня. – Чарли швырнул трость Императору и приготовился к удару, но едва палка легла в подставленную старикову ладонь, птицы сгнули. Слышно было даже, как там, где они только что были, хлопнув, сомкнулся воздух. Собаки осеклись на полурыке; Фуфел заскулил.

– Что? – спросил Император. – Что стряслось?

– Исчезли.

Император посмотрел на небо.

– Ты уверен?

– Пока да.

– Я видел две тени. Теперь уж точно видел, – сказал Император.

– Да, сейчас они были вдвоем.

---

²¹ Еще одна аллюзия на “Ворона” Эдгара По.

– Что они такое?

– Понятия не имею, но когда вы взяли трость, они... в общем, пропали. Вы правда их видели?

– Уверен. Они были сродни злонамеренному дыму.

Ключ наконец повернулся в замке, и дверь на склад Ашера открылась.

– Вы должны зайти. Отдохните. Я закажу чего-нибудь поесть.

– Нет-нет, нам с бойцами надлежит длить наш дозор. Сегодня утром я решил выступить с декларацией, и нам потребно встретиться с печатником. Это вам понадобится. – Император вручил Чарли трость, словно передавал ему ключ от городских ворот.

Чарли потянулся было к ней, но передумал.

– Ваше Величество, я думаю, вам лучше оставить ее у себя. Полагаю, вам она будет полезнее. – И Чарли показал подбородком на скрипучее колено старика.

Рука Императора не дрогнула.

– Я не преклоняюсь пред материальным, знаешь?

– Это я понимаю.

– Я твердо верю, что вожделье – главный источник человеческого страдания, как тебе известно, и нет преступника подлее, нежели тот, кто возжелал материального.

– Я своим бизнесом управляю на тех же принципах. Однако же настаиваю – трость должна остаться у вас. Окажите мне любезность, если угодно?

Чарли поймал себя на том, что отчасти перенимает выпренинные обороты Императора, словно перенесся к такому королевскому двору, где титулованное лицо отличают по крошкам в бороде, а королевская гвардия не пренебрегает вылизыванием собственных яиц.

– Ну, коли это любезность, соизволю. Прекрасная выделка.

– Но самое главное – она поспешествует вам в дозорах.

Вот теперь Император выдал вожделье сердца своего – он широченно ухмыльнулся и прижал трость к груди.

– И впрямь красивая. Чарли, должен тебе кое в чем признаться, но прошу поверить мне, как человеку, кто вместе с товарищем своим только что свидетельствовал о появлении двух гигантских теней в обличье воронов.

– Само собой, – улыбнулся Чарли, хотя еще минуту назад решил бы, что улыбка его затерялась где-то в ушедших месяцах.

– Не сочти сие низменным, но едва я коснулся этой трости, как ощутил, будто ждал ее всю свою жизнь.

И Чарли, сам толком не сообразив почему, ответил:

– Да уж понятно.

А парой минут ранее в лавке Лили сидела, погруженная в думы. Думы у нее были не обычного свойства – не о мире, где все дураки, жизнь бессмысленна, а само житье – тщета, особенно если твоя мать забыла купить кофе. То была дума поособенней, и началась она, когда Лили явилась на работу и Рей заметил, что сегодня ее очередь носить пылесосную тиару, более того – подчеркнул, что если тиара на Лили, то и пылесосить лавку должна Лили. (Вообще-то ей нравилось носить тиару с фальшивыми брюликами, которую Чарли в приступе отъявленной буржуазной крадучести постановил надевать каждый день всякому, кто сметает пыль и пылесосит лавку, – и ни в какое иное время. Возражала она против пылесоса и метелки. Она чувствовала, что ею манипулируют, помыкают и пользуются вообще, – причем не в смысле наслаждений.) Но сегодня, когда она убрала тиару, пылесос и наконец залила в себя пару кружек кофе, думы не прекратились – они излились в полномасштабный ангст, и тут Лили осенило, что ей все-таки надо будет прикидывать, что делать с колледжем-карьерой, поскольку, что бы

там ни говорила “Большущая-пребольшущая книга Смерти”, не она, Лили, избрана темным ставленником разрушенья. Блядь!

Она стояла на складе, озирая то, что накануне сюда навалил Чарли: обувь, лампы, зонтики, фарфоровые статуэтки, игрушки, пару книг, старый черно-белый телевизор и портрет клоуна, выписанный по черному бархату.

– Он сказал, что это барахло светится? – спросила она Рея, стоявшего в дверном проеме.

– Да. И заставил меня все проверить моим счетчиком Гейгера.

– Рей, нахера тебе счетчик Гейгера?

– Лили, зачем тебе серьга с летучей мышью в носу?

Лили проигнорировала вопрос и взяла вчерашнюю керамическую лягушку; теперь к земноводному скотчем крепились бирка “НЕ ПРОДАВАТЬ И НЕ ВЫСТАВЛЯТЬ”, выведенная аккуратным почерком их босса.

– И это одна из них? Вот это?

– С нее он и поехал, – обыденно произнес Рей. – Твоя инспекторша из школы пыталась ее купить. Тут-то все и началось.

Лили была потрясена. Она отступила к столу Чарли и села в скрипучее конторское кресло.

– Ты видишь, как что-нибудь светится или пульсирует, Рей? Вообще когда-нибудь видел?

Тот покачал головой:

– У него сильный стресс – потерял Рейчел, один растит малышку. Может, ему надо как-то помочь. У меня, например, когда я покинул силы полиции... – Рей умолк.

В переулке поднялась какая-то суета: гавкали соба-ки, кричали люди, потом кто-то заработал ключом в замке черного хода. Секунду спустя ввалился Чарли – запыхавшийся, костюм в грязи, один рукав разодран и окровавлен.

– Ашер, – сказала Лили. – Ты ранен. – Она мигом вымелась из кресла, а Рей взял Чарли за плечи и усадил.

– Со мной все хорошо, – ответил Чарли. – Подумаешь.

– Я принесу аптечку, – сказал Рей. – Сними с него пиджак, Лили.

– Да нормально все, – сказал Чарли. – Хватит говорить обо мне в третьем лице. Я здесь.

– Он бредит, – высказалась Лили, выкорчевывая Чарли из пиджака. – У тебя есть болеутолятели, Рей?

– Не нужны мне болеутолятели, – сказал Чарли.

– Заткнись, Ашер, это не тебе, – машинально ответила Лили – и тут задумалась: книга, история Рея, бирки на барахле в задней комнате... Задумалась и содрогнулась. – Извините, босс. Давайте я вам помогу.

Рей вернулся из лавки с небольшой пластмассовой аптечкой, задрал Чарли рукав и стал промывать перекисью водорода.

– Что случилось?

– Ничего, – ответил Чарли. – Поскользнулся, упал на гравий.

– Рана вполне чистая – никакого гравия нет. Ну ты и падаешь.

– Долгая история, – сказал Чарли. – Ай!

– Что там за шум был в переулке? – спросила Лили. Ей настоятельно требовалось выйти покурить, но оторваться от происходящего она была не в силах. Она и вообразить не могла, что Чарли Ашер – тот самый. Ну как это возможно? Он такой... такой недостойный. Темное подбрюшье жизни ему не ведомо, как ведомо ей. Однако это ему светятся предметы. Он – оно и есть. Лили была крайне удручена.

– А, это собаки Императора чайку в мусорку загнали. Ничего особенного. Я упал с крыльца на Тихоокеанских высотах.

– Наследство, я помню, – сказал Рей. – Как там все?

– Нехорошо. Вдовец был убит горем, и ему при мне стало плохо с сердцем.

– Да брось ты.

– Нет, на него просто как бы накатило, когда подумал о супруге, и он рухнул. Я делал ему искусственное дыхание и массаж сердца, пока “скорая” не подъехала. Увезли в больницу.

– Так... – начала Лили, – ты забрал там... э-э, взял там что-нибудь особенное?

– Что? – Глаза Чарли распахнулись. – В каком это смысле – особенное? Ничего там особенного не было.

– Остынь, босс, я просто спрашиваю, достанется ли нам бабушино тряпье. – “Он – оно”, – думала Лили. – Гондон.

Чарли покачал головой:

– Не знаю – все так странно. Все это так очень странно. – На этих словах он содрогнулся.

– Странно в каком смысле? – осведомилась Лили. – В смы-сле круто и темно или в смысле, что ты Ашер и по большей части не рубишь фишку?

– Лили! – рявкнул Рей. – Иди в зал. Подмети что-нибудь.

– Ты не босс мне, Рей. Я просто являю сочувствие.

– Все в порядке, Рей. – Чарли, похоже, задумался, как ему определить понятие “странно”, и не пришел ни к какому рабочему варианту. В конце концов произнес: – Ну, для начала, имущество этой женщины нам сильно не по зубам. Вдовец якобы позвонил нам, потому что мы – первый старьевщик в телефонной книге, но не похоже, что он на такое способен.

– Это не странно, – сказала Лили. “Признайся, и точка”, – подумала она.

– Ты сказал, он был убит горем, – произнес Рей, – промакивая мазью-антибиотиком порезы Чарли. – Может, у него все иначе.

– Да, а кроме того, он злился на жену за то, как она умерла.

– Как? – спросила Лили.

– Наелась кремнегеля, – ответил Чарли.

Лили вопросительно глянула на Рея: “кремнегель” звучал технически-ботанически, а техника была особой областью Реева ботанства. Экс-полицейский ответил:

– Это влагопоглотитель, его пакуют в электронику и прочее невлагостойкое барахло.

– Гадость, на которой написано “Несъедобно”? – уточнила Лили. – Боже, как это глупо. Все же знают – “Несъедобное” не едят.

Чарли сказал:

– Мистера Мэйнхарта все это довольно крепко подкосило.

– Ну я думаю, – сказала Лили. – Он женился на полной, блядь, УО.

Чарли поморщился:

– Лили, это неуместно.

Та закатила глаза и пожала плечами. Она терпеть не могла, когда Чарли впадал в режим “Папик”.

– Ладно, ладно. Я пошла на перекур.

– Нет! – Чарли соскочил с кресла и преградил Лили путь к черному ходу. – На улицу! Отныне ты куришь на тротуаре.

– Но ты же сам говорил, что когда я курю перед входом, то похожа на малолетнюю прощ-мандовку.

– Я осуществил переоценку. Ты повзрослела.

Лили прищурила глаз, дабы поглубже заглянуть ему в душу и тем самым прозреть его истинную повестку дня. Огладила свою черную виниловую юбочку, и та при касании пискнула, будто под пыткой.

– Ты пытаешься сказать, что у меня большая попа, да?

– Я совершенно никаким местом не пытаюсь этого сказать, – стоял на своем Чарли. – Я просто говорю, что твое присутствие перед входом в лавку – тот актив, который может привлечь клиентуру из туристов с канатной дороги.

– А. Ну ладно. – Лили схватила пачку гвоздичных со стола и двинулась мимо стойки наружу – думать думу, а на самом деле – кручиниться, потому что, как ни надеялась, она – отнюдь не Смерть. Книга предназначалась Чарли.

В тот вечер Чарли дежурил в лавке, не понимая, зачем наврал своим работникам, и тут заметил, как снаружи у витрины промелькнула какая-то вспышка. Через секунду вошла поразительно бледная рыжая женщина. На ней было короткое черное платье и черные блядские “лодочки”. По проходу она шла так, словно явилась на пробы для видеоклипа. Волосы длинными локонами струились по плечам и спине, точно огромная темно-рыжая мантия. Глаза – изумрудно-зеленые, и, когда женщина заметила, как Чарли смотрит, она улыбнулась и остановилась шагах в десяти.

Чарли ощутил почти болезненный толчок – тот будто бы зародился из паха – и через секунду признал автономную реакцию похоти. Ничего подобного он не ощущал с тех пор, как умерла Рейчел, и теперь невнятно устыдился.

Женщина разглядывала его – осматривала, как подержанный автомобиль. Чарли был уверен, что заливается румянцем.

– Здравствуйте, – сказал Чарли. – Чем могу служить?

Рыжая снова улыбнулась – слегка – и полезла в сумочку, которую Чарли поначалу не заметил.

– Я нашла вот это, – сказала женщина, вытащив серебряный портсигар. Такие Чарли видел теперь нечасто, даже на рынке антиквариата. Портсигар рдел, пульсируя, – как вещи на складе. – Я была тут недалеко, и что-то мне подсказало – место ему здесь.

Она подошла к стойке напротив Чарли и положила перед ним портсигар.

Чарли едва мог шевельнуться. Он таращился на рыжую, даже не сознавая, что упирается взором в ложбинку меж грудей, чтобы не смотреть в глаза; а женщина, похоже, обмахивала взглядом его плечи и голову, будто бы наблюдая за тучей мошек над Чарли.

– Потрогайте меня, – сказала она.

– А? – Он поднял взгляд, увидел, что она не шутит. Женщина протянула руку: ногти маникюрены и того же темно-красного оттенка, что и помада. Он взял ее за руку.

Едва он коснулся руки, женщина ее отняла.

– Вы теплый.

– Спасибо. – В тот же миг он понял, что она – нет. Пальцы ее были холодны как лед.

– Значит, вы не из нас?

Он попробовал прикинуть, что это “нас” может значить. Ирландцы? Гипотоники? Нимфоманы? Почему он вообще об этом подумал?

– Нас? В каком это смысле – “нас”?

Она отступила на шаг.

– Нет. Вы не просто берете слабых и больных, да? Вы берете любых.

– Берем? В каком это смысле – “берем”?

– Вы даже не знаете, да?

– Чего не знаю? – Чарли стало очень нервно. Ему, бета-самцу, было очень трудно функционировать, оказавшись объектом внимания красивой женщины вообще, но эта его пугала. – Секундочку. Вы видите, как эта штука светится? – Он протянул ей портсигар.

– Она не светится. Я просто почувствовала, что место ей здесь, – ответила женщина. – Как вас зовут?

– Чарли Ашер. Написано же – “Ашеровское”.

– Чарли, вы, похоже, славный парень, и я точно не знаю, что вы такое, – да вы и сами, судя по всему, не знаете. Правда?

– В моей жизни случились кое-какие перемены, – ответил Чарли, не понимая, зачем вообще с нею этим делиться.

Рыжая кивнула – мол, я так и думала.

– Ладно. Известно, как бывает, если... э... вдруг понимаешь, что неподконтрольные тебе силы превращают тебя в такое, к чему нет инструкции пользователя. Я понимаю, что значит не знать. Но кто-то же где-то знает. Кто-то может вам рассказать, что происходит.

– О чем вы? – Но он знал, о чем она. Не знал он другого: как она сумела узнать.

– От вас умирают люди, правда, Чарли? – Произнесла она это так, будто собрала все мужество и сообщила, что у него между зубов остался шпинат. Скорее услуга, нежели обвинение.

– Откуда вы?.. – Откуда она...

– Потому что я это делаю. Не как вы, но тем не менее. Найдите их, Чарли. Пройдите по своим следам и отыщите того, кто был рядом, когда ваш мир изменился.

Чарли посмотрел на рыжую, затем на портсигар, затем снова на рыжую – та больше не улыбалась, уже пятилась к дверям. Пытаясь не упустить из рук нормальную реальность, он сосредоточился на портсигаре и про-изнес:

– Наверное, я смогу произвести оценку...

Колокольчик над дверью звякнул, а когда Чарли поднял голову, женщина пропала²².

Он не видел, как рыжая миновала витрины по обе стороны двери, – она просто исчезла. Чарли выскочил наружу, прямо на середину улицы. Канатный вагон, ходивший по Мейсон, только переваливал гребень холма у улицы Калифорнии, и Чарли услышал звонок, жидкий туман тащился с Залива, отбрасывая радужные нимбы от неоновых вывесок прочих заведений, но нигде никакой рыжей не наблюдалось. Чарли дошел до угла и посмотрел вдоль Вальехо, но там опять никакой рыжей – только Император со свитой псовых сидел под стеной.

– Доброго вечера тебе, Чарли.

– Ваше Величество, здесь только что рыжая не проходила?

– О да. Я с ней поговорил. Думаю, у тебя нет шансов, Чарли, – мне представляется, она уже кому-то суждена. И еще предупредила, чтоб я держался от тебя подальше.

– Почему? Не сказала?

– Сказала, что ты – Смерть.

– Я – Смерть? – переспросил Чарли. – Смерть – я? – Дыхание в гортани замерло. В голове он воспроизвел весь прошедший день. – А если и Смерть?

– Знаешь, сынок, – сказал Император, – я не дока в прекрасном поле, но эту информацию, наверное, имело бы смысл придержать свиданья до третьего, когда они узнают тебя чуть получше.

---

²² Что это вообще было, см. в романе Кристофера Мура “На подсосе. История любви” (You Suck: A Love Story, 2007).

7. Танатост

Хотя воображение бета-самца часто повергало Чарли Ашера в робость и даже паранойю, если дело доходило до приятия неприемлемого, оно же ему служило как туалетная бумага из кевлара – пуленепробиваемая, чуть противная в применении. Погибнет он не от собственного неумения верить в невероятное. Чарли Ашер никогда не станет жучком, размазанным по затуманенному ветровому стеклу тусклого воображения.

Он знал: все, что с ним случилось за последний день, – вне пределов возможного для большинства людей, а поскольку единственным свидетелем, способным эти события подтвердить, был человек, полагавший себя Императором Сан-Франциско, Чарли, конечно, никому не сумеет доказать, что за ним гонялись гигантские вброны-сквернословы, а затем оракул в блядских “лодочках” объявил его экскурсоводом в неоткрытую страну.

Даже Джейн ему такого не спустит. Понять его захотел бы – смог бы – всего один человек, и в десятитысячный раз Чарли ощутил, как отсутствие Рейчел коллапсирует в груди миниатюрной черной дырой. Так его соучастником стала Софи.

Крохотный ребенок в комбинезончике с Элмо²³ и младенческих “докмартензах” (подарок тети Джейн) сидел в своем автомобильном стульчике на кухонной стойке рядом с аквариумом. (Чарли купил ей шесть больших золотых рыбок, примерно когда она стала различать движение. Девочке нужны домашние животные. Рыбок он назвал в честь адвокатов из телевизора. В данный момент Мэтлок шел по пятам Перри Мейсона²⁴, стараясь сожрать длинную струйку рыбьих какашек, что тянулась у Перри из кормового слипа.)

У Софи уже пробились материнские темные волосы и, если Чарли не ошибался, та же потрясенная нежность к нему на лице (плюс разлив слюней).

– Значит, я Смерть, – произнес Чарли, пытаясь сконструировать сэндвич с тунцом. – Папа у тебя Смерть, – золотко. – Он проверил, как там тост, – механизм выброса тостов он не доверял, ибо производители тостеров иногда желали его смерти. – Смерть, – повторил он; тут консервный нож скользнул, и Чарли ударился о стойку перевязанной рукой. – Черт!

Софи забулькала и выпустила очередь счастливого детского лепета, который Чарли принял за “Ну расскажи, папуля? Пожалуйста, ну прошу тебя – расскажи”.

– Я даже из дому выйти не могу – боюсь, кто-нибудь замертво падет к моим ногам. Я – Смерть, солнышко. Сейчас тебе, конечно, смешно, но ты никогда не попадешь в приличный детский садик, если папа у тебя укладывает людей поспать в ямку.

Софи выдула пузырь слюнявого сочувствия. Чарли извлек тост из аппарата вручную. Сыроват, но впихнешь его туда еще раз – непременно подгорит, если не следить за тостом ежесекундно и не выковырять вручную опять. Поэтому теперь Чарли, вероятно, подхватит какой-нибудь редкий и вредный для здоровья патоген недожаренного тоста. Тостовое бешенство! Еть тостерных производителей.

– Это смертельный тост, барышня. – Он показал Софи кусок недожаренного хлеба. – Тост Смерти.

Он положил хлеб на стойку и снова пошел на приступ банки тунца.

– Может, она выражалась фигурально? В смысле, наверное, ржяя просто имела в виду, что я... ну, понимаешь, смертельный зануда? – Это, конечно, не очень объясняло всю остальную происшедшую жуть. – Как ты считаешь? – обратился он к Софи.

²³ Элмо (с 1985) – маппет, персонаж детской телевизионной программы “Улица Сезам”, лохматое красное чудовище с оранжевым носом.

²⁴ Бенджамин Лейтон (Бен) Мэтлок – главный герой американского сериала “Мэтлок” (Matlock, 1986–1995), язвительный адвокат (его играл Энди Гриффит). Перри Мейсон – персонаж более 80 романов американского писателя Эрла Стэнли Гарднера, двух телесериалов (1957–1966 и 1973–1974) и более 25 телефильмов.

В лице ее он искал ответа, а малютка сияла ему типичной Рейчелианской улыбкой умника (минус зубы). Она неприкрыто наслаждалась его мучениями, и, странное дело, Чарли от этого стало легче.

Консервный нож опять соскользнул, сок тунца брызнул на рубашку, а тост упрыгал под стойку, и теперь на него налипли комья пыли. Мусор на его тосте! – Мусор на тосте Смерти. Черт, да что за радость быть Повелителем Преисподней, если на твоём недожаренном тосте – мусор?

– Йопь!

Он схватил с пола тост и запустил мимо Софи в гостиную. Малютка проследила глазами за полетом хлебобулочного изделия, потом опять перевела взор на папу и восхищенно взвизгнула, словно говоря: “Еще, папа. Сделай так еще!”

Чарли вынул ее из стульчика и прижал к себе, вдыхая кисло-сладкий младенческий аромат; на комбинезончик выдавились отцовские слезы. Он сумел бы все это, если б рядом была Рейчел, а без нее – не мог, не хотел.

Просто не будет никуда выходить. Вот его – решение. Единственный метод обезопасить население Сан-Франциско – сидеть дома. И четыре следующих дня он сидел в квартире с Софи, а за продуктами отправлял соседку сверху – миссис Лин. (И у него уже скапливалась довольно обширная коллекция овощей, о названиях и способах приготовления коих он не имел ни малейшего понятия, ибо миссис Лин – вне зависимости от того, что он заносил ей в список покупок, – затаривалась только на рынках Китайского квартала.) А через два дня, когда в блокноте на тумбочке появилось новое имя, Чарли нанес ответный удар: спрятал блокнотик под телефонным справочником в ящике кухонного шкафа.

Тень он увидел на крыше дома напротив на пятый день. У самого выхода с чердака. Сначала не очень понял, гигантский ли это ворон или такую тень отбрасывает обычная птица, но едва до него дошло, что сейчас полдень и любая нормальная тень лежать будет отвесно внизу, крохотный вороненок неверья сгинул вмиг. Чарли закрыл все жалюзи с той стороны квартиры и заперся в спальне с Софи, коробкой “памперсов”, корзиной продовольствия и шестериками детского питания и апельсиновой газировки; так он прятался, пока не зазвонил телефон.

– Вы чего это делаете? – раздался в трубке низкий мужской голос. – Совсем спятили?

Чарли обомлел: судя по номеру на определителе, кто-то не туда попал.

– Я ем такую штуку – то ли дыню, то ли кабачок. – Он глянул на зеленую фиговину: по вкусу дыня, по виду кабачок, только с шипами. (Миссис Лин называла ее “заткнись-и-ешь-полезная”.)

Человек произнес:

– Вы лажаете. У вас есть работа. Делайте то, что говорится в книге, или все важное у вас отберут. Я не шучу.

– В какой книге? Кто это? – спросил Чарли. Голос ему показался знакомым, и у него почему-то сразу включился режим тревоги.

– Этого я вам, извините, сказать не могу, – ответил человек. – Простите.

– У меня ваш номер высветился, дурила. Я знаю, откуда вы звоните.

– Ой, – произнес человек.

– Раньше думать надо было. Что же у вас за такая зловещая власть над тьмой, если вы даже номер свой не блокируете?

На дисплее определителя значилось: “Свежая музыка” – и номер. Чарли перезвонил, но никто не ответил. Он сбегал на кухню, выкопал из ящика телефонную книгу и поискал “Свежую музыку”. Магазин неподалеку от верхней Рыночной, в районе Кастро.

Телефон зазвонил снова, и Чарли схватил трубку с кухонной стойки так свирепо, что чуть не выбил себе зуб.

– Безжалостный ублюдок! – заорал Чарли в трубку. – Вы вообще отдаете себе отчет, чего мне все это стоит, бессердечное вы чудовище?

– Сам иди на хуй, Ашер, – ответила Лили. – Если я ребенок, это не значит, что у меня нет чувств. – И повесила трубку.

Чарли перезвонил.

– “Ашеровское старье”, – ответила Лили. – Семейное предприятие буржуазных штопаных гондонов вот уже тридцать лет.

– Лили, прости меня, я обознался. Ты чего звонила?

– Moi? – переспросила Лили. – Je me fous de ta gueule, espèce de gaufre de douche²⁵.

– Лили, прекрати говорить по-французски. Я же извинился.

– С полицией будешь разговаривать. Тут тебя ждут.

Перед нисхождением в лавку Чарли пристегнул Софи к груди, как террорист – бомбумладенца. Малютка только что перебралась через новый рубеж и научилась держать головку, поэтому пристегнул он ее лицом вперед, чтоб она могла озираясь. Пока Чарли шел, ручки и ножки у Софи болтались по сторонам, будто она прыгала с парашютом (в роли парашюта выступал щупленький ботаник).

Полицейский стоял у кассы против Лили и выглядел при этом как реклама коньяка: двубортный костюм цвета индиго – итальянского пошива, шелк-сырец, – льняная сорочка оттенка буйволовой кожи и ослепительно желтый галстук. Лет пятидесяти, латинос, поджарый, с резкими чертами, напоминающими хищную птицу. Волосы гладко зачесаны назад, и седые пряди у висков наводили на мысль, что он летит, хотя с места легавый не двигался.

– Инспектор Альфонс Ривера, – сказал полицейский, протягивая руку. – Спасибо, что спустились. Эта девушка сообщила мне, что в понедельник вечером работали вы.

Понедельник. Тогда он отбивался в переулке от воронов, тогда в лавку зашла бледная рыжая красавица.

– Ты имеешь право ничего ему не сообщать, Ашер, – сказала Лили, очевидно вспомнив о лояльности, невзирая на штопаную гондонность Чарли.

– Спасибо, Лили, но можешь сделать перерыв – сходи посмотри, как там в Бездне дело обстоит.

Лили что-то буркнула, затем извлекла нечто из ящика под кассой – предположительно, сигареты – и удалилась посредством черного хода.

– Почему этот ребенок не в школе? – спросил Ривера.

– Она особенная, – ответил Чарли. – Знаете, домашнее образование.

– Она поэтому такая жизнерадостная?

– В этом месяце изучает экзистенциалистов. На той неделе попросила творческий день – убить араба на пляже²⁶.

Ривера улыбнулся, и у Чарли отлегло от души. Инспектор извлек из нагрудного кармана фотографию и протянул Чарли. Софи потянулась ее цапнуть. На снимке был пожилой господин в воскресном костюме, он – стоял на ступенях церкви. Чарли узнал собор Святых Петра и Павла всего в нескольких кварталах от лавки, на площади Вашингтона.

– Вы видели этого человека вечером в понедельник? На нем были темно-серое пальто и шляпа.

---

²⁵ Здесь: Я?.. Поиздеваться над тобой, штопаным гондоном (*фр.*).

²⁶ Намек на роман французского писателя-экзистенциалиста Альбера Камю (1913–1960) “Посторонний” (*L’etranger*, 1942), в котором герой именно этим и занимается. Этим эпизодом вдохновлялась британская группа готического рока и пост-панка The Cure при со-здании своего одноименного первого сингла (*Killing an Arab*, 1978).

– Нет. Извините, не видел, – ответил Чарли. Он правда не видел. – Я пробыл в лавке часов до десяти. Заходили несколько покупателей, но такого не было.

– Уверены? Его зовут Джеймс О’Мэлли. Он нездоров. Рак. Его жена говорит, в понедельник вышел под вечер прогуляться и домой не вернулся.

– Нет, простите, – сказал Чарли. – Вы спрашивали у вагонновожатого с канатной дороги?

– С той сменой я уже побеседовал. Мы думаем, он мог где-нибудь здесь потерять сознание, и мы его не нашли. Столько времени прошло – надежды почти нет.

Чарли кивнул, стараясь выглядеть при этом глубокомысленно. Хорошо, что полицейский не спрашивает о нем самом, – до того хорошо, что у Чарли почти кружилась голова.

– Может, стоит спросить Императора, – вы же знакомы с ним, правда? Он город знает от и до, лучше нас с вами.

При упоминании об Императоре Риверу несколько повело, но затем он расслабился и снова улыбнулся.

– А это неплохая мысль, мистер Ашер. Попробую выследить Императора. – Он протянул Чарли визитку. – Если что-нибудь вспомните, позвоните мне, хорошо?

– Позвоню. Э-э, инспектор... – промолвил Чарли, и Ривера, отойдя от прилавка на несколько шагов, остановился. – А разве инспекторы обычно такие дела расследуют?

– Да, обычно подобным занимается рядовой состав, но это может быть связано с тем, чем сейчас занимаюсь я, потому я вам и достался.

– А, тогда ладно, – сказал Чарли. – Красивый костюм у вас, кстати. Не мог не отметить. Я ими занимаюсь.

– Спасибо, – ответил Ривера, с легкой тоской оглядев рукава. – Некоторое время назад мне выпал короткий отрезок удачи.

– Это здорово.

– А потом закончился, – сказал Ривера. – Миленькая малютка. Вы с ней берегите себя. – И он вышел за дверь.

Чарли повернулся к лестнице и чуть не врезался в Лили. Руки ее были скрещены под надписью “Ад – это другие”²⁷ на черной майке, и выглядела Лили еще субъективнее обычного.

– Ну, Ашер? Тебе есть что мне сказать?

– Лили, у меня нет времени на...

Она показала ему серебряный портсигар, оставленный рыжей. Тот по-прежнему красно светился. Софи потянулась к нему.

– Что? – спросил Чарли. Неужто Лили видит? Неужто она тоже принимает зловещее свечение?

Лили открыла портсигар и сунула Чарли под нос:

– Прочти гравировку.

“Джеймс О’Мэлли”, – гласил витиеватый шрифт.

Чарли отступил на шаг.

– Лили, я не могу... я ничего не знаю про этого старика. Послушай, мне нужно попросить миссис Лин присмотреть за Софи и быстро смотаться на Кастро. Потом объясню, ладно? Честно.

Лили мгновенно подумала, осуждающе глядя на Чарли так, словно застала его за кормлением собственного *bête noire*²⁸ “Фруктовыми петельками”²⁹, затем смягчилась.

– Иди, – сказала она.

---

²⁷ Фраза из пьесы французского писателя-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра (1905–1980) “Взаперти” (Huis Clos, 1944), I, 5.

²⁸ Жупел, бяка, предмет страха и ненависти, букв. “черный зверь” (*фр.*).

²⁹ Froot Loops (с 1963) – марка подслащенного сухого завтрака со вкусом фруктов компании Kellogg’s.

8. Трамвай “Смятение”

И вот в брешь Кастро кинулся Чарли Ашер: антикварная трость со шпагой под рукой на сиденье фургона, челюсть выпячена штыком и вся физиономия – воплощенный этюд ужа-сающей решимости. Полквартила, еще полквартила и еще половинку вперед – так в Долину Безалкогольных Баров С Заоблачными Ценами и Вообще Внеземных Причесок нахлестывал своего железного коня праведный бета-самец. И горе тому никчемному глупцу, кто осмелился возжелать смерти смертоносного старьевщика, ибо за смертную жизнь его наш герой не даст и ломаного гроша. “В Голубятне будет дан бой, – думал Чарли, – и я палю за справедливость”³⁰.

Ну, не вполне “палю” – у него же шпага в трости, не пушка, – скорее “тычу за справедливость”: маловато, конечно, пафоса для ангела-мстителя, походить на ко-его Чарли стремился, – он просто расвирепел и готов надрать кому-нибудь задницу, вот и все. Поэтому ты давай, это... поосторожней. (По случайному совпадению “Тыц за справедливость” в тот момент было вторым по популярности произведением в “Видеопрокате Кастро”, оно постепенно вытесняло “Рождение звезды: режиссерскую версию”³¹ и уступало только “Легавым без штанов”, номеру один, как кнутом подстегнутому.)

Свернув с Рыночной, сразу же за углом Ноэ Чарли увидел: “Свежая музыка”, квадратные буквы самодельной вывески-витража, – и волосы у него на загривке тут же встали дыбом, а в мочевом пузыре возникла настоящая потребность. Тело его переключилось в режим “драка-или-драпак”, и уже второй раз за неделю он собирался пойти вопреки своей бета-самцово-й природе и предпочесть драку. Что ж, так тому и быть, подумал Чарли. Так тому и быть. Он лицом к лицу встретится со своим мучителем, вот только найдет место для парковки. Которого не нашел.

Чарли объехал квартал, виляя меж кафе и баров, – и тех и других на Кастро было в изобилии. Поездил взад-вперед по переулкам, уставленным рядами викторианских особнячков в безупречном состоянии (и за безумные цены), но стойла для своего верного жеребца не отыскал. Через полчаса орбитальных облетов всего квартала он снова направился прочь от центра и поставил фургон на платную стоянку в гараже Филлмора, после чего на древнем трамвае вернулся по Рыночной к Кастро. Славенький зелененький антикварненький трамвайчик, сделанный в Италии, с дубовыми – скамьями, латунными поручнями и оконными рамами красного дерева; чарующий латунный колокол и предел скорости – где-то миль двадцать в час. Вот так Чарли Ашер и кинулся в битву. Он пытался вообразить, как на подножках трамвая висит орда гуннов – размахивает свирепыми сабельками, по ходу осыпает стрелами настенные росписи в Миссии, – или, быть может, это плывет спецназ викингов: щиты приторочены к стенкам трамвая, громыкает огромный барабан, а они гребут себе и гребут, дабы подвергнуть разграбленье антикварные лавки, садо-мазо-бары, суси-бары, садо-мазо-суси-бары (не спрашивайте) и художественные галереи Кастро. Но тут Чарли подвело даже его внушительное воображение. Он вышел на углу Кастро и Рыночной и протопал квартал обратно к “Свежей музыке”. У лавки он помедлил: ну вот и что теперь?

А если тот человек просто взял и попросился звякнуть с этого телефона? Вдруг Чарли ворвется с угрозами и воплями, а за прилавком – какой-нибудь попутанный пацан? Но тут Чарли глянул в дверь, и там, за стойкой, совсем один стоял необычайно высокий черный мужчина, с ног до головы одетый в мятно-зеленое. Тут-то Чарли и утратил рассудок.

³⁰ “Палю за справедливость” (Gunning for Justice, 1948) – вестерн американского режиссера Рея Тейлора.

³¹ Из трех фильмов с таким названием имеется в виду мюзикл американского режиссера Джорджа Кьюкора (1954) с иконой гей-движения певицей и актрисой Джуди Гарленд (Фрэнсес Этель Гамм, 1922–1969) в главной роли – римейк фильма Уильяма О. Уэллмена (1937), ставший, в свою очередь, основой для римейка Фрэнка Пирсона (1976).

– Вы убили ее! – завопил он и пошел на штурм стоек с компакт-дисками, преграждавших подступы к Мятному. На бегу он выхватил шпагу – или, во всяком случае, попытался, надеясь, что выхватится она одним плавным движением и тотчас перережет горло убийце Рейчел. Но трость провалялась на складе у Чарли очень долго, и шпагу из ножен не вынимали много лет – за исключением трех случаев, когда с нею из лавки хотела уйти Эбби, подруга Лили (один раз – попробовав ее купить, и Чарли ей отказал, и два раза – попробовав ее украсть). Маленькую латунную защелку, высвобождавшую клинок, заело, поэтому, нанося смертельный удар, Чарли размахнулся всей тростью, а та была тяжелее – и медленнее, – чем сама шпага. Человек в мятно-зеленом – проворно для своих габаритов – пригнулся, и Чарли снес целую полку с дисками Джуди Гарленд, потерял равновесие, отрикошетил от стойки, крутнулся на месте и снова попробовал тот комбинированный замах, который столько раз видел в кино, – им выхватывали мечи и полосовали врага самураи, а сам он столько раз мысленно отрепетировал его по пути сюда. На сей раз шпага покинула ножны и смертельной дугой просвистела в трех футах от человека в мяте, подчистую обезглавив картонную фигуру Барбры Стрейзанд.

– Это не... не-блядь-спровоцировано! – громогласно рявкнул черный дылда.

Чарли едва успел принять стойку для удара слева – и тут заметил, как на него надвигается что-то крупное и темное; в последний миг он сумел распознать, что именно. Ему на голову обрушился антикварный кассовый аппарат. Вспышка, звяк колокольчика – и все потемнело и стало очень липким.

Когда Чарли пришел в себя, он был привязан к стулу в задней комнате музыкальной лавки – помещение как две капли воды походило на его собственный склад, только составленные башнями коробки были набиты пластинками и компакт-дисками, а не ассортиментом порепанного барахла. Над Чарли высился черный дылда, и пленник поначалу решил, что дылда обращается в туман или дымок, но затем понял, что рябью – подернуто его собственное зрение, – и сразу же всю голову изнутри, как стробоскопом, осветило болью.

– Ай.

– Как шея? – спросил дылда. – Не сломана? Ноги чувствуете?

– Валяйте, убейте меня, подлый трус, – произнес Чарли, изгибаясь на стуле и стараясь кинуться на своего поимщика; он ощущал себя немножко Черным рыцарем в “Святом Граале” “Монти Питона”³² после того, как бедолаге откромсали руки и ноги. Если этот тип сделает к нему хоть шаг, Чарли сумеет головой протаранить ему причинные – в этом он был уверен.

Дылда резко топнул – прямо Чарли по ноге; мокасины восемнадцатого размера³³ из перчаточной кожи привелись в движение двумястами семьюдесятью фунтами смерти и торговца запиленными пластинками.

– Ай! – Чарли заскакал на стуле в круге боли. – Черт бы вас побрал! Ай!

– Так вы ноги свои ощущаете?

– Заканчивайте. Валяйте. – Чарли вытянул шею, словно подставляя горло под нож, – стратегия его заключалась в том, чтобы подманить мучителя, после чего зубами порвать ему бедренную артерию, после чего злорадствовать, глядя, как кровь струится по мятно-зеленым штанам на пол. Чарли будет долго и зловеще смеяться, наблюдая, как из этого мерзкого ублюдка вытекает жизнь, а потом доскачет на стуле до улицы, впрыгнет на Рыночной в трамвай, пересядет на Ван-Несс на сорок первый автобус, соскочит на Колумбе и два квартала пропрыгает до дома, где его кто-нибудь развяжет. У него был план – и проездной на автобус, действительный еще четыре дня, – поэтому сукин сын не тому смерти пожелал.

³² “Воздушный цирк Монти Питона” (Monty Python’s Flying Circus, 1969–1983) – британское телевизионное комедийное шоу, создатели которого активно работали в кинематографе. Фильм “Монти Питон и Святой Грааль” (Monty Python and the Holy Grail) Терри Джоунза и Терри Гильяма снят в 1975 г. Роль Черного рыцаря исполнил Джон Клиз.

³³ Примерно соответствует 54-му.

– У меня нет намерений вас убивать, Чарли, – произнес дылда, держа безопасную дистанцию. – Простите, что пришлось вас стукнуть кассой. Но вы не оставили мне выбора.

– Вы могли бы отведать фатального укуса моего клинка! – Чарли пошарил вокруг глазами: вдруг мужик бросил трость со шпагой где-то под рукой.

– Можно и так, только я предпочел не оставлять пятен и обойтись без похорон.

Чарли напряг мускулы, стараясь разорвать узы, кои, как он теперь осознал, представляли собой целлофановые магазинные пакеты.

– Вы связались со Смертью, вам это известно? Я – Смерть.

– Ага, я знаю.

– Да?

– Конечно. – Дылда развернул спинкой вперед еще один деревянный стул и уселся на него верхом. Колени у дылды теперь оказались на уровне локтей, и он стал похож на огромную древесную лягушку, готовую прыгнуть на свою насекомую добычу. Чарли впервые разглядел, что у мужчины золотистые глаза, яркие и заметные: с темной кожей они как-то не сочетались. – Я тоже, – добавил зловещий мятно-зеленый лягух.

– Вы? Вы – Смерть?

– Одна из, не единственная. Не уверен, что единственная Смерть вообще существует. По крайней мере, в наши дни.

Чарли не мог такого постичь, поэтому снова принялся бороться с узами и качаться, пока черный дылда не протянул руку и не утвердил его стул на ножках, чтобы Чарли не опрокинулся.

– Вы убили Рейчел.

– Нет, не убивал.

– Я вас там видел.

– Это правда. Тут-то и загвоздка. Будьте добры, перестаньте уже дрыгаться? – Он потряс Чарли за стул. – Но смерти Рейчел я не причинял. Мы так не работаем – по крайней мере, в наши дни. Вы что, в книгу не заглядывали?

– В какую книгу? Вы что-то говорили про книгу по телефону.

– В “Большущую-пребольшущую книгу Смерти”. Я послал ее вам в лавку. И женщине сказал, что посылаю, и извещение о доставке получил, поэтому я знаю, что она у вас.

– Какая еще женщина? Лили? Она не женщина, она ребенок.

– Нет, там была женщина где-то вашего возраста, с прической под “новую волну”.

– Джейн? Нет. Она ничего не говорила, и никакой книги я не получил.

– Ох, блин. Вот почему они лезут. Вы не в курсе.

– Кто? Что? Они?

Мятный Жнец тяжело вздохнул:

– Нам, видимо, придется тут еще посидеть. Пойду кофе сварю. Вы будете?

– Ну еще бы – сначала вызовете у меня ложное ощущение безопасности, а потом напрыгнете.

– Да ты, к хуям, весь связан, ебала, на хера мне у тебя чего-то вызывать? Пытался ткань человеческого бытия выебсти – так надо ж было кому-то сраку твою прищучить.

– Ой, ну конечно, давайте со мной теперь по-черно-му ботать. Ходите с расовой карты, а как же.

Мятный поднялся на ноги и двинулся в лавку.

– Сливков надо?

– И два сахара, пожалуйста, – ответил Чарли.

– Такая отпадная, зачем ты ее возвращаешь? – сказала Эбби Нормал. Она была у Лили лучшей подругой, и они обе теперь сидели на полу склада “Ашеровского старья” и листали “Большущую-пребольшущую книгу Смерти”. На самом деле Эбби звали Эллисон, только она

не желала больше претерпевать мучения от бесславья своего, как она его называла, “имени рабыни дневного – света”. Окружающие лучше реагировали на ее избранный псевдоним, чем на имя Лили – Мглива Эльфокусс, которое диктовать нужно было по буквам.

– Оказалось, она Ашеру, не мне, – ответила Лили. – Он разозлится, если узнает, что я ее присвоила. А поскольку он сейчас, наверно, Смерть, у меня могут быть неприятности.

– И ты ему скажешь, что книжка все это время была у тебя? – Эбби почесала бровь – вернее, штифт с серебряным паучком; пирсинг был свежим, еще не зажил, и не ковырять его было трудно. Подобно Лили, Эбби вся была в черном, от сапог до прически, с одной лишь разницей: на передке ее черной футболки изображались красные песочные часы “черной вдовы”, она была тощее и в своей нарочитой жути больше походила на беспризорника.

– Не, просто скажу, что не туда засунула. Тут такое часто.

– И сколько ты думала, что ты Смерть?

– Типа месяц.

– А как же сны, имена и прочее, про что там говорится? У тебя же такого не было, да?

– Я думала – просто сил набираюсь. Много списков составила – тех, кого лучше б не было.

– Ага, я тоже так делаю. И что это Ашер, ты дорубила только вчера?

– Ну, – сказала Лили.

– Фигово, – сказала Эбби.

– Жить вообще фигово, – сказала Лили.

– И теперь что? – спросила Эбби. – На два года в колледж?

Обе кивнули – скорбно – и воззрились в глубины своих лаков для ногтей, дабы не делиться унижением от того, что одна из них во мгновение ока низверглась с высот полубогини мрака до местной недотепы. Всю жизнь обе надеялись на что-то величественное, темное и сверхъестественное, поэтому, когда такое наконец случилось, отнеслись к нему, вероятно, равнодушной, нежели полезно для здоровья. Страх, в конце концов, – механизм выживания.

– Так все эти штуки – “душевные предметы”? – спросила Эбби с бодростью, какую в тот миг – допускала – цельность ее натуры. Она обвела рукой горы барахла, которое Чарли пометил знаками “Не продавать”. – В них, типа, душа хранится?

– Так в книжке, – ответила Лили. – Ашер утверждает, будто они светятся.

– Мне нравятся “конверсы”.

– Забирай, твои, – сказала Лили.

– Честно?

– Ну. – Она сняла кроссовки с полки и протянула подруге. – Он их никогда не хватится.

– Крутяк. У меня как раз к ним есть идеальные красные сеточки.

– В них, похоже, душа какого-нибудь потного школьного чемпиона, – сказала Лили.

– Пусть падет к моим ногам, – ответила Эбби, делая пируэт и арабеск – остатки (вместе с расстройством аппетита) ее десятилетнего балетного образования.

– Так я, значит, у Смерти – вроде помощничка Санты? – спросил Чарли, взмахнув чашкой. Дылда развязал ему одну руку, чтобы пленник мог пить кофе, и Чарли теперь при каждом жесте крестил склад музыкальной лавки брызгами французской обжарки. Мистер Свеж нахмурился.

– О чем это вы, Ашер? – Свежу было неловко от того, что Чарли Ашера сначала пришлось стукнуть кассовым – аппаратом, а потом привязать к стулу, и теперь он боялся, что от удара у жертвы как-то пострадал мозг.

– Я о Санте в “Мейсиз”, Свеж. В детстве мы же все наверняка замечали, что у Санта-Клауса в универмаге “Мейсиз” накладная борода, а на Союзной площади работают по меньшей мере еще шестеро Сант из Армии спасения, и тогда мы спрашивали у родителей, и они отвечали, что настоящий Санта живет на Северном полюсе, он очень занят, поэтому тут у нас

другие парни – у Санты они помощники, они ему помогают в работе. Ведь это самое вы мне и говорите – что мы у Смерти помощники Санты?

Мистер Свеж, стоявший у стола, теперь снова уселся напротив Чарли и заглянул ему в глаза. Ответил очень мягко:

– Чарли, вы же знаете, что это не так, правда? В смысле – про помощников Санты?

– Конечно, я знаю, что никакого Санта-Клауса не бывает. Это у меня метафора такая, костолоб.

Этой возможностью мистер Свеж воспользовался, чтобы вытянуть руку и отвесить Чарли оплеуху. И немедленно об этом пожалел.

– Эй! – Чарли отставил кружку и потер залив в своих обмелевших волосах, который немедленно покраснел от удара.

– Грубо, – сказал мистер Свеж. – Давайте грубить не будем.

– Так вы утверждаете, что Санта все-таки существует? – спросил Чарли, ежась от предвкушения новой плюхи. – Господи, в какие же глубины уходит этот заговор?

– Нет, никакого Санты, нафиг, не существует. Я просто хочу сказать, что я не знаю, кто мы такие. Не знаю, есть ли на свете большая Смерть с заглавной “С”, хотя в книге намекается, что некогда она существовала. Я просто говорю, нас таких много – в этом городе я знаю десятков, – и все мы собираем сосуды души и следим, чтобы они попадали в нужные руки.

– И принцип здесь такой, что люди случайно заходят к вам в магазин и покупают пластинку? – Тут глаза Чарли распахнулись во всю ширь: до него дошло. – У Рейчел был компакт Сары Маклахлан. Так это вы его забрали?

– Да. – Свеж смотрел в пол – не потому что ему было стыдно, а просто не хотелось видеть боль в глазах Чарли Ашера.

– Где он? Я хочу его увидеть, – сказал Чарли.

– Я его продал.

– Кому? Найдите покупателя. Я хочу вернуть Рейчел.

– Не знаю. Женщине. Имя не спросил, но уверен, что он был ей сужден. Такие вещи понимаешь.

– И я пойму? С чего бы мне такое понимать? – спросил Чарли. – Почему мне? Я не хочу убивать людей.

– Мы не убиваем людей, мистер Ашер. Это неверное представление. Мы всего-навсего способствуем восхождению души.

– Но я вот что-то сказал одному парню, и он от этого умер, а другому стало плохо с сердцем из-за того, что я сделал. Смерть, которая наступает в результате наших действий, приравнивается к убийству, если только мы не политики, правда? Так почему я? Я не натаскан молотья языком. Почему я?

Мистер Свеж поразмыслил над тем, что сказал Чарли, и нечто зловещее поползло вверх по его позвоночнику. За все годы он не помнил такого, чтобы его действия привели непосредственно к чьей-то смерти, да и от прочих Торговцев Смертью подобного не слыхал. Кто-нибудь, конечно, иной раз появлялся в тот миг, когда человек отходил, но бывало это нечасто и само по себе к летальному исходу не приводило.

– Ну? – спросил Чарли.

Мистер Свеж пожал плечами:

– Потому что вы меня видели. Вы же не могли не заметить, что вас, когда выходите за душой, никто не видит.

– Я никогда не выходил ни за какой душой.

– Выходили и еще будете выходить – во всяком случае, должны. Вам, мистер Ашер, следует и дальше выполнять программу.

– Да, это вы мне уже сказали. Так, значит, вы заби-раете эти души и э-э... становитесь невидимкой?

– Не в прямом смысле, нет, просто нас никто не видит. Можно заходить прямо к людям домой, и они вас не заметят, хоть вы рядом стоять будете, но если заговорите с кем-нибудь на улице, вас увидят, официантка примет заказ, такси остановится – ну, не для меня, потому что я черный, но вообще, знаете, останавливаются. Это, я думаю, как-то связано с волей. Я проверял. Нас видят животные, кстати. Когда изымаете сосуд, берегитесь собак.

– Вот так, значит, и становятся... как нас зовут?

– Торговцами Смертью.

– Да бросьте. Seriously?

– В книге этого нет. Я сам придумал.

– Клево.

– Спасибо. – Мистер Свеж улыбнулся, на миг обрадовавшись, что можно не думать о тягостном и уникальном превращении Чарли Ашера в Торговца Смертью. – Вообще-то, мне кажется, это какой-то тип с конверта пластинки, там он стоит за кассой, глаза красным светятся. Но когда придумал, я этого не знал.

– В самый раз.

– Да, мне тоже так показалось, – сказал мистер Свеж. – Еще кофе?

– Если можно. – Чарли протянул пустую чашку. – Значит, вас кто-то увидел. Так вы и стали Торговцем Смертью?

– Нет, это вы им так стали. Я думаю, вы, может... э-э... – Свежу не хотелось путать беднягу, но, с другой стороны, он и не знал, что произошло на самом деле. – Я думаю, вы, может, от всех нас как-то отличаетесь. Меня никто не видел. Я работал в охране казино в Вегасе, а потом у меня там все скисло – говорят, у меня проблемы с субординацией, – поэтому я переехал в Сан-Франциско и открыл эту лавку – подержанные пластинки и компакт, сначала по большей части джаз³⁴. – Ну а там все и началось: засветились сосуды, люди стали с ними заходить, он начал выискивать их на распродажах, когда хозяева умрут. – Не знаю, как или почему, но так все и вышло. Я никому ничего не рассказывал. А потом мне почтой прислали книгу.

– Опять эта книга. У вас тут ее нет случайно?

– Существует лишь один экземпляр. По крайней мере, известный мне.

– И вы его взяли и отправили?

– Заказной же! – громыхнул Свеж. – И кто-то у вас в лавке расписался за бандероль. По моему, я свою роль сыграл.

– Ладно, простите – и дальше?

– В общем, когда я обосновался на Кастро, тут было очень грустно. На улицах либо совсем старики, либо очень молодые ребята, а все, кто между, либо уже на том свете, либо у них ВИЧ – ходят с палочками, таскают за собой кислородные баллоны. Смерть повсюду. Как будто именно здесь и нужна была станция душ – а вот и я такой, пластинками торгую. Затем почтой пришла книга. Ко мне притекало много душ. Те первые годы я собирал сосуды каждый день – иногда по два, по три. Удивительно, сколько геев вкладывает душу в музыку.

– И вы все продали?

– Нет. Они приходят и уходят. На полках всегда что-то остается.

– Но как вы можете быть уверены, что нужный человек получает нужную душу?

– Это же не моя проблема, верно? – Мистер Свеж – пожал плечами. Сначала он тоже переживал, но все, – казалось, происходило как должно, и он постепенно – доверился механизму или власти, что за всем этим стояли, – уж какие ни на есть.

---

³⁴ Предысторию см. в романе Кристофера Мура Coyote Blue (1994).

– Ну, если вы так к этому относитесь, зачем вообще этим заниматься? Не нужна мне такая работа. У меня уже есть работа – и ребенок есть.

– Придется. Поверьте, когда мне прислали книгу, я пытался этого не делать. Мы все так поступали. Вернее, те, с кем я разговаривал. Насколько я понимаю, вы уже видели, что в таком случае бывает. Слышите голоса, потом возникают тени. В книге они зовутся Пре-исподниками.

– Гигантские вороны? Эти, что ли?

– До вас они были просто неразличимыми тенями и голосами. А сейчас что-то не так. Началось с вас и вами продолжается. Вы им уступили сосуд души, так?

– Я? Вы же сказали, Торговцев Смертью целая куча.

– Другие сообщают, что к чему. Это вы сделали. Мне показалось, в начале недели я заметил, как один пролетал. А сегодня вышел – и голоса плохие. – Совсем плохие. Вот тогда-то я вам и позвонил. Это же вы, – правда?

Чарли кивнул.

– Я не знал. Откуда мне было знать?

– Так им достался один?

– Два, – ответил Чарли. – Из стока высунулась рука. В мой первый день.

– Ну, тогда всё, – произнес Свеж, обхватив голову. – Теперь нам со всей определенностью пиздец.

– Вы этого еще не знаете, – сказал Чарли, пытаясь разглядеть и светлую сторону. – Пиздец мог с нами случиться и раньше. В смысле, мы оба торгуем старьем покойников, а это в некотором роде определение понятия “пиздец”.

Мистер Свеж поднял голову:

– В книге сказано, что если мы не будем делать свою работу, все покроет тьма, станет как в Преисподней. Не знаю, как выглядит Преисподняя, мистер Ашер, но пару раз я видел гастролеров оттуда и вникать не хочу. А вы?

– Может, это Окленд, – сказал Чарли.

– Что – Окленд?

– Преисподняя.

– Окленд – не Преисподняя! – Мистер Свеж вскочил на ноги; насилия он не любил – его и не надо любить, если у вас такие габариты, но...

– Вырезка?³⁵ – предположил Чарли.

– Не злите меня, а то я вас стукну. Ни вы, ни я этого не хотим – правда, мистер Ашер?

Чарли покачал головой.

– Я видел воронов, – сказал он, – а никаких голосов не слышал. Что за голоса?

– Разговаривают с тобой, когда ходишь по улицам. Иногда слышишь голос из вентиляционного люка, иногда из водосточной трубы, иногда из ливнестока. Это они – точно вам говорю. Женские голоса, дразнят. Я их много лет уже не слышал, совсем чуть не забыл, что это такое, – и тут вышел за сосудом, а один меня зовет. Раньше я звонил другим Торговцам, спрашивал, может, они натворили чего, но мы быстро прекратили.

– Почему?

– Потому что нам кажется, как раз это их и приманивает. Мы не должны вступать друг с другом в контакт. Не сразу поняли. Тогда я в городе нашел всего шестерых Торговцев, и мы вместе обедали раз в неделю, сравнивали впечатления, делились – вот тогда и стали замечать первые тени. Вообще-то, чтобы наверняка обезопаситься, это и у нас с вами последняя встреча. – Мистер Свеж снова пожал плечами и принялся развязывать Чарли, думая: “Все

---

³⁵ “Вырезкой” (Tenderloin) в США традиционно называют ночные увеселительные районы. Такое обозначение приписывается капитану нью-йоркской полиции Александру Уильямсу, в конце 1870-х гг. переведенному в 29-й участок, включавший в себя такой “злачный” район вокруг Бродвея. Поскольку ночная жизнь предполагала дополнительные источники дохода, не всегда законные, он выразился в том духе, что “раньше питался стейками из лопатки, а теперь перейдет на вырезку”.

изменилось в тот день в больнице. Этот тип все изменил, и я сейчас отправляю его, как ягненка, на убой... А может, это он будет убивать. Он может...”

– Пойдите, я же еще ничего не знаю, – взмолился Чарли. – Нельзя же меня отправлять туда наобум. А как с моей дочерью? Как я узнаю, кому продавать души? – Он паниковал и пытался задать все вопросы разом, пока его не отпустили на свободу. – Что за цифры стоят под именами? Вы имена так же узнаете? Сколько мне этим заниматься и когда отпустят на пенсию? Почему вы всегда в мятно-зеленом? – Пока мистер Свеж отвязывал ему одну лодыжку, Чарли пытался снова привязать вторую к ножке стула.

– Из-за имени, – сказал мистер Свеж.

– Простите? – Чарли перестал привязываться.

– Я одеваюсь в мятно-зеленое из-за имени. Меня зовут Мятник.

Чарли совершенно забыл все, что его до сих пор тревожило.

– Мятник? Вас зовут Мятник Свеж?

У Чарли стало такое лицо, будто он изо всех сил пытается не чихнуть, – но он не выдержал и оглушительно фыркнул. И тут же пригнулся.

9. Дракон, медведь и рыба

На площадке третьего этажа в доме Чарли происходила встреча великих держав Азии – миссис Лин и миссис Корьевой. У миссис Лин, державшей на руках Софи, имелось стратегическое преимущество, но миссис Корьева, будучи в два раза крупнее миссис Лин, обладала потенциалом массивных ответных действий. У дам было кое-что общее и помимо того, что обе – иммигрантки и вдовы: они преданно любили малютку Софи, сомнительно владели английским языком и совсем уж рьяно сомневались в способности Чарли Ашера в одиночку воспитать дочь.

– Он сердил, когда сегодня уходил. Как медведь, – сказала миссис Корьева, обладавшая атавистической тягой к медвежьим сравнениям.

– Не надо зверина, говоряй, – сказала миссис Лин. Она ограничивала себя английскими глаголами в повелительном наклонении – дань ее чань-буддистским убеждениям. Так она утверждала. – Кто зверина детке давай?

– Свинына детке хорошо. От свинины детка сильная, – ответила миссис Корьева и поспешно добавила: – Как медведь.

– Детка от зверина ши-тцу, говоряй. Ши-тцу – собака. Какой добрый папа детка собака хочай? – Миссис Лин особо покровительствовала маленьким девочкам: она выросла в провинции Китая, где каждое утро по улицам ходил человек с тележкой и собирал трупки маленьких девочек, родившихся ночью и выброшенных за порог. Самой ей повезло: мама ухитрилась умыкнуть ее в поля и отказывалась вернуться домой, пока новорожденную дочурку не примут в семью.

– Не ши-тцу, – поправила ее миссис Корьева. – Шикса.

– Ладно, шикса. Собака собака бывай, – ответила миссис Лин. – Безобразие. – В этом слове, как и во всех прочих, произносимых миссис Лин, не слышалось ни единой буквы “р”.

– Это не еврейская детка на идиш. А Рейчел еврей. – Миссис Корьева, в отличие от большинства русских иммигрантов, оставшихся в этом районе, евреем не была. Ее предки вышли из российских степей, и она вела свой род от казаков, а те не считались особо дружелюбной к евреям расой. Сама она искупала грехи предков тем, что яростно квохтала (совсем как мать-медведь) сначала над Рейчел, а теперь над малюткой Софи. – Цветам нужна вода, – сказала миссис Корьева.

Площадка заканчивалась большим эркером, выходящим на дом через дорогу и оконный ящик, где росла красная герань. Под конец дня две великие азиатские державы обычно стояли на площадке, любовались цветами, беседовали о том, как все подорожало, и жаловались на всевозрастающее неудобство обуви. Ни одна не осмеливалась завести собственную оконную клумбу с геранью – из страха, что может показаться, будто она украла идею у дома через дорогу, после чего началась бы эскалация оконно-ящичной конкуренции, которая неизбежно завершилась бы кровопролитием. Поэтому обе молчаливо согласились только любоваться красными цветами, их не желая.

Миссис Корьевой нравился сам их красный цвет. Она заточила вечный зуб на коммунистов за то, что кооптировали эту краску, иначе миссис Корьева была бы счастлива от нее безудержно. Хотя русская душа, сформированная тысячелетием тревоги и страха, не была экипирована для безудержного счастья, а потому, наверное, все к лучшему.

И миссис Лин в герани привлекал красный цвет: в ее космологии он представлял удачу, процветание и долгую жизнь. Сами врата храмов выкрашены были той же краской, поэтому красные цветы символизировали одну из многих троп к вечности ву, к просветлению; по сути,

они и были вечностью в чашечке цветка³⁶. Кроме того, миссис Лин предполагала, что они будут недурны в супе.

Софи же краски мира открыла для себя совсем недавно, и одних красных клякс на фоне серых досок вполне хватало, чтобы на ее крохотном личике сияла беззубая улыбка.

Итак, троица дружно радовалась красным цветам, когда в окно ударились черная птица и стекло треснуло огромной паутиной. Но птица от такого удара не – отвалилась – напротив, она как-то умудрилась просочиться во все до единой трещинки и расплзлась черной – тушью по стеклу, захватив даже стены.

И великие державы Азии бежали к лестнице.

Чарли растирал левое запястье, где руку пережало целлофановым пакетом.

– Так что, мама назвала вас в честь рекламы полоскания?

Мистер Свеж теперь отчего-то не казался непрошибаемым, как полагается человеку таких габаритов.

– Вообще-то, зубной пасты, – ответил он.

– Серьезно?

– Ну.

– Простите, я не знал, – сказал Чарли. – Но вы же могли его поменять, правильно?

– Мистер Ашер, против своей сути продержишься недолго. В конце концов просто смиряешься. Моя суть в том, что я черный, во мне семь футов росту – однако я не в НБА³⁷, – меня зовут Мятник Свеж и я забрит в Торговцы Смертью. – Он вздернул бровь, словно обвиняя Чарли. – Я научился принимать такое и радоваться.

– Я думал, вы скажете, что голубой, – произнес Чарли.

– Что? Необязательно быть голубым, чтобы одеваться в зеленое.

Чарли поразмыслил над мятно-зеленым костюмом мистера Свежа – из сирсакера и не по сезону легкий – и ощутил некое сродство душ со столь освежающе поименованным Торговцем Смертью. Сам того не ведая, Чарли распознавал признаки другого бета-самца. Разумеется, бета-геи существуют: бета-любовник высоко ценится в голубом сообществе, потому что его можно выучить одеваться, однако всегда остается относительная уверенность, что у него не разовьется собственное чувство стиля и он не станет роскошнее вас. Чарли сказал:

– Наверное, вы правы, мистер Свеж. Простите меня за такое допущение. Приношу извинения.

– Все в порядке, – ответил мистер Свеж. – Но вам действительно пора.

– Нет, я все равно не понимаю, как мне определять, кому достанутся души. То есть, после того как это случилось, в лавке у меня оказались всевозможные сосуды, о которых я и понятия не имел. Как мне узнать, что я не продал человеку такое, что у него уже есть? А если у кого-то соберется комплект?

– Такого не может быть. По крайней мере, насколько мне известно. Слушайте, вы сами поймете. Поверьте мне на слово. Когда люди готовы получить душу, они ее получают. Вы когда-нибудь изучали восточные религии?

– Я живу в Китайском квартале, – ответил Чарли, и хотя в строгом смысле это было вроде как правдой, на мандаринском диалекте он умел говорить ровно три фразы: “Добрый день”, “Крахмала поменьше, пожалуйста” и “Я невежественный белый бес”, – всему этому его научила миссис Лин. Сам он полагал, что последняя фраза переводится как “И вам доброго утрачка”.

---

³⁶ Аллюзия на первые строки поэмы британского художника и поэта-мистика Уильяма Блейка (1757–1827) “Изречения Невинности” (Auguries of Innocence), входящей в так называемый “Манускрипт Пикеринга” (1800–1803).

³⁷ Национальная баскетбольная ассоциация США.

– Позвольте тогда сформулировать иначе, – сказал мистер Свеж. – Вы когда-нибудь изучали восточные религии?

– А, восточные религии, – ответил Чарли, делая вид, что неверно понял предыдущий вопрос. – Разве что по каналу “Открытие” – ну, знаете, Будда, Шива, Гэндальф, главных ребят.

– Понятие кармы вам знакомо? Как несделанные уроки опять задают в другой жизни?

– Да, разумеется. Ха. – Чарли закатил глаза.

– Ну так считайте себя агентом по переназначению душ. Мы – агенты кармы.

– Тайные, – с тоской произнес Чарли.

– Ну это, я надеюсь, само собой, – сказал мистер Свеж. – Нельзя никому сообщать, кто вы такой, по-этому – да, пожалуй, мы и есть тайные агенты кармы. Душу мы держим, пока человек не становится готов ее принять.

Чарли потряс головой, словно в уши ему натекло воды.

– Значит, если кто-то зайдет ко мне в лавку и купит сосуд души, то прежде он жил без нее? Какой ужас.

– Неужели? – переспросил Мятник Свеж. – А вы сами-то уверены, что она у вас есть?

– Конечно.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я – это я. – Чарли потыкал себя в грудь. – Вот он я.

– Это у вас просто личность, – сказал Мятник. – Да и то едва ли. Вдруг вы окажетесь пустым сосудом, а разницы и не заметите? Быть может, вы еще не достигли того жизненного рубежа, когда готовы получить себе душу.

– Чего?

– Ваша душа прямо сейчас может быть развита гораздо больше вас. Если ребенок провалит экзамены в десятом классе, вы станете отправлять его обратно в детский сад?

– Да нет, наверное.

– Правильно, вы оставите его на второй год только в десятом классе. То же и с душами. Они только восходят. Личность получает душу, когда готова перенести ее на следующий уровень, когда способна выучить следующий урок.

– Поэтому, если я продам кому-то какую-нибудь светящуюся штуку, это будет значить, что человек все эти годы ходил без души?

– Такова моя теория, – сказал Мятник. – За много лет я всякого начитался по теме. Священные тексты всевозможных культур и религий, но вот это объясняет процесс лучше всего, что мне попадалось.

– Значит, в книге, которую вы мне отправили, этого нет?

– Книга – лишь практическая инструкция. Там нет объяснений. Простая, как дважды два. В ней сказано, чтоб вы завели себе ежедневник и клали у кровати – так вам будут сообщаться имена. Не как искать этих людей, не каков сам предмет, а только то, что это надо найти. Купите ежедневник. Я вот пользуюсь.

– А число? Всякий раз, когда я находил имя на тумбочке, внизу обязательно было число. Мятник кивнул и чуточку смущенно улыбнулся:

– Это сколько дней у вас на то, чтобы изъять сосуд.

– То есть сколько человек еще проживет? Я не хочу этого знать.

– Нет, это не когда человек умрет, а когда вам надо изъять сосуд – сколько дней осталось. Я долго к цифрам присматривался – никогда не бывает больше сорока девяти дней. Я решил, что тут кроется какой-то смысл, и стал искать это число в литературе о смерти и умирании. Оказалось, сорок девять – число дней бардо, в “Тибетской книге мертвых”³⁸ это переход между

---

³⁸ “Тибетская книга мертвых” – наиболее распространенное на Западе название текста тибетского буддизма школы нингма “Бардо Тёдол” (“Освобождение в бардо [промежуточном состоянии] слушанием”), была составлена учителем Пад-

жизнью и смертью. И мы, Торговцы Смертью, неким образом выступаем посредниками при перемещении этих душ, только нам нужно успеть за сорок девять дней... Во всяком случае, такая у меня теория. Поэтому не удивляйтесь, когда вдруг окажется, что имя вы получили, а человек уже пару недель как умер. У вас все равно будет сколько-то дней бардо, чтобы изъять сосуд.

– А если не успею? – спросил Чарли.

Мятник Свеж угрюмо покачал головой:

– Тени, вороны, из Преисподней полезет темное говно – поди угадай. Но штука в том, что разбираться надо будет вам самому. И вы со временем разберетесь.

– Как, если там ни адреса, ни инструкций? Вроде “под ковриком у двери”.

– Иногда – и это чаще всего – сосуды сами к вам будут приходить. Так уж обстоятельства сложатся.

Чарли вспомнил рыжую красотку, что принесла ему серебряный портсигар.

– Иногда, говорите?

Свеж пожал плечами:

– Но придется и по-честному искать – найти человека, приехать к нему домой. Я как-то раз даже детектива нанял, чтобы кого-то мне нашел, но от этого начались голоса. А чем ближе к цели – тем для людей вы будете... м-м... незаметнее.

– Но мне же надо как-то жить. У меня ребенок...

– И это получится, Чарли. Деньги прилагаются. Вот увидите.

Чарли и впрямь увидел. Вернее, видел уже: наследие миссис Мэйнхарт – если оно ему достанется, он заработает десятки тысяч.

– А теперь вам пора, – сказал Мятник Свеж. Он протянул руку, и лицо его взрезала ухмылка – будто ночное небо распорол лунный серп. Чарли пожал дылде руку – ладонь старьевщика полностью исчезла в хватке музыкального Торговца Смертью.

– Я уверен, что у меня еще остались вопросы. Можно вам позвонить?

– Нет, – ответил Мятный.

– Тогда ладно, я пошел, – сказал Чарли, вообще-то не двигаясь. – Полностью брошен на милость сил Преисподней и прочая.

– Берегите себя, – сказал Мятник Свеж.

– Совсем без понятия, во что это я ввязался, – про-изнес Чарли, изображая пробные детские шажочки к двери. – На моих плечах бремя всего человечества.

– Ага. Делайте зарядку по утрам, – ответил дылда.

– Кстати, – произнес вдруг Чарли, выбившись из ритма своего нытья. – А вы голубой?

– Я, – ответил Мятник Свеж, – одинокий. Целиком и полностью.

– Ладно, – сказал Чарли. – Извините.

– Ничего. Простите, что огрел вас по голове.

Чарли кивнул, схватил из-за прилавка свою трость со шпагой и вышел из “Свежей музыки” в облачный день Сан-Франциско.

В общем, он, само собой, не вполне Смерть, но и не помощник Санты. Неважно, что никто ему не поверит, если даже он расскажет. “Торговец Смертью” – звучит – как-то слишком, но мысль про тайного агента ему понравилась. Агент КАРМЫ – Кармический Анализ, Распределение, Мучительство и Ахиня... Хорошо, над расшифровкой он еще подумает, но все равно – тайный агент.

На самом деле, хоть Чарли этого и не знал, к тайному агентированию он был приспособлен неплохо. Поскольку бета-самцов не засекают никакие радары, из бет получают отличные

шпионы. Не типа “Джеймс Бонд на «астон-мартине» с ракетными установками пежит красивую русскую атомную ученую на собольей простыне” – скорее типа “глубоко законспирированный бюрократ с плохо прикрытой лысиной выуживает раскисшие от кофе документы из мусорки”. Неприметность открывает ему такие двери, а также располагает к нему таких людей, что недоступны альфа-самцу, у которого тестостерон выступает на лбу. Вообще-то бета-самец бывает опасен – не столько, правда, в смысле “все тело Джета Ли³⁹ – его смертельное оружие”, сколько в смысле “бухой на газонокосилке идет в атаку на курятник, как Люк Скайуокер”.

Итак, направляясь к трамвайной остановке на Рыночной улице, Чарли мысленно примерял новую личину тайного агента. Ему это вполне себе нравилось, и тут, проходя мимо отверстия ливнесточка, он услышал свистящий женский шепот:

– А малютку мы оттырим себе. Сам увидишь, свежее Мясо. Скоро-скоро.

Едва Чарли ворвался из переулка на склад, Лили кинулась ему навстречу.

– Легавый опять тут был. Тот дядька умер. Вы его – убили? – К этой пулеметной сводке она прибавила: – А, сэр? – После чего отдала ему честь, сделала реверанс и, сложив руки, поклонилась на японский манер.

От всего этого Чарли несколько смешался – когда пригрозили дочери, его и так охватила паника и он через весь город мчался домой как полоумный. Чарли понимал: такие знаки уважения не к добру, ими Лили зловеще прикрывает какой-то проступок, либо собирается просить об услуге, либо – как часто уже бывало – девчонка просто хочет его смерти. Поэтому Чарли сел на высокий деревянный табурет у стола и спросил:

– Легавый? Дядька? Яснее, пожалста. И я никого не убивал.

Лили вдохнула поглубже.

– Тут снова был тот легавый, он уже заходил на днях. Выяснилось, что дядька, к которому на прошлой неделе вы ездили на Тихоокеанские высоты... – Она глянула себе на предплечье, где что-то было записано – красными чернилами. – ...Майкл Мэйнхарт, покончил с собой. И оставил вам записку. Где говорит, что вы должны забрать всю одежду, и его, и жены, и продать ее по рыночной цене. А потом он написал... – Тут она снова сверилась с вымазанной рукой. – “Чего именно в сочетании «Я просто хочу умереть» вы не поняли?” – Она подняла голову.

---

³⁹ Джет Ли (Ли Лянцзе, р. 1963) – китайский актер, чемпион боевых искусств (кунг-фу и ушу).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.